

А . С К Р И Н

КИТАЙСКИЙ
ТУРКЕСТАН

БИБЛИОТЕКА ЭКСПЕДИЦИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ

А. СКРИН

КИТАЙСКИЙ ТУРКЕСТАН

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И. БОРОЗДИНА

*С 25 иллюстрациями
и 1 картой*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА · 1930 ЛЕНИНГРАД

*Обложка—гравюра на дереве работы
художника Н. П. Дмитриевского*

*Типография Изд-ва „Молодая
Гвардия“. Ленинград, В. О.,
5 лан., 28. Зак. Изд. № 3601.
Главлит № А-64671. Печати,
лист. 11. Тираж 5.100 экз.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о Китайском Туркестане не может не вызвать у нас живейшего интереса. Входящий в состав широко раскинувшейся и наиболее окраинной провинции Китая — Синьцзянской, Китайский Туркестан ближе тяготеет к соседним с ним советским среднеазиатским республикам. Русский Туркестан и Китайский Туркестан в дореволюционное время находились в самых оживленных экономических сношениях; благодаря своему географическому положению и оторванности от собственно Китая и восточных рынков вследствие отсутствия мало-мальски пригодных путей сообщения, Синьцзянская провинция (или Западный Китай) в торговых отношениях была связана преимущественно с Россией. Все товары Западного Китая, главное сырье и полуфабрикаты — хлопок, кожа, шерсть и др. — вывозились на русские рынки. В свою очередь из России шли мануфактура, железо, сталь, керосин, сахар, спички, китайский транзитный чай и пр. Китайские и другие восточные товары не могли конкурировать с русскими ни по качеству, ни по близости и скорости доставки.

Торговля России с Западным Китаем быстро и прогрессивно росла; так, в конце 1916 года общий торговый баланс по приблизительным подсчетам китайской таможни достиг внушительной цифры — 17 миллионов рублей серебром. Революция, блокада, гражданская война с ее сильными отзвуками в Средней Азии прервали эти правильно развивавшиеся экономические связи. Правда, белогвардейским сибирским правительством делались кое-какие попытки налаживания торговых отношений, но они были в общем мало реальны, как мало реальна была и вся эфемерная колчаковская контрреволюция. Окончательная победа советской власти и урегулирование всех среднеазиатских отношений снова поставили на очередь проблему Китайского Туркестана.

С 1925 года учреждается советское генеральное консульство в Кашгаре и принимаются меры к упорядочению отношений. Китайский Туркестан попрежнему нуждается в русских товарах, прекращение подвоза которых в свое время вызвало буквальную катастрофу. Так, например, в 1919—1920 годах железо по сравнению с 1916 годом вздорожало на 800%, мануфактура—на 300% и т. д. На ряду с этим сильно пало в цене сырье, заготовленное для вывоза. Уже к концу 1917 года в процентном отношении (сравнительно с 1916 годом) цены на хлопок понизились, например, на 40%, а на шерсть — на 50%.

Этот перерыв в торговых отношениях с Россией старались всячески использовать как Китай, так и Англия. Собственно Китай, как мы уже отметили выше, весьма мало связан был с своей отдаленной, за „тридевять земель“ расположенной провинцией. Сложность и трудность сообщения мешали правильным торговым сношениям. В виду же прекращения торговли с Россией Синьцзяну пришлось налаживать экономические связи с Китаем, и известные торговые операции были установлены. Точно так же и Англии, давно уже зарившейся на Китайский Туркестан и всячески интриговавшей против какого-либо русского влияния, удалось развить торговые сношения через Индию. Правда, и здесь пути сообщения являются чрезвычайно трудными и тяжелыми. Достаточно сказать, что на главном пути из Индии в Кашгарию (через горные пути от Ладака до Яркенда) при переходе Каракорумских высот обыкновенно погибало до 30% вьючных животных. После 1917 года, когда Англия напрягла все свои силы, чтобы бросить как можно больше своих товаров на опустевшие рынки Китайского Туркестана, стали пользоваться другим путем, в обход Каракорумских высот, через Сарыкол на Яркенд. Из Индии стали ввозить бархат, атлас, парчу, шерстяные товары, краски, пряности, сахар, индийский чай, получая взамен войлок, гашиш, шелковые и ковровые изделия.

В своей книге Скрин с большим удовлетворением говорит об этих развивающихся торговых операциях с Индией, умалчивая, конечно, о бесконечных антисоветских интригах, которые велись английским генеральным консульством в Кашгаре, всячески старавшимся помешать учреждению генерального консульства СССР. Эти происки,

равно как и ревнивая настороженность китайцев, лучше всего демонстрируют страх конкуренции. В сущности и китайская и английская торговля—это лишь частичное и неполное разрешение вопроса. При наличии существующих путей сообщения и исключительной дальности расстояния тут ничего более и не сделаешь. Лишь восстановление нормальных торговых отношений с СССР смогут вывести Китайский Туркестан из тупика и дадут ему возможность широко реализовать свои богатейшие природные ресурсы.

Мы нарочно подробнее остановились на вопросе об экономической роли Китайского Туркестана, так как 'Скрин, с большим пафосом повествуя об „изобилии плодов земных“ в Кашгарии, не дает характеристики хозяйственной ситуации Западного Китая. А между тем это—ключ к пониманию весьма сложной проблемы Китайского Туркестана.

В книге английского консула приведен любопытный материал, касающийся самого путешествия, в достаточной степени нелегкого, из Индии в Восточный Туркестан. Автор описывает места, людей природу, выказывая значительную наблюдательность и любознательность. В плюс ему надо поставить также то, что во время своего пребывания на службе он не сидит в четырех стенах своей официальной резиденции, а, наоборот, разъезжает по стране, знакомясь с ее особенностями; это—несомненно подготовленный и осведомленный человек. Он, конечно, осторожен и не пробалтывается о заветных чаяниях британского империализма. Но нет-нет, да и проскальзывает его стремление особенно подчеркнуть английский престиж. Поэтому для него играют такую роль разные церемонии, визиты, приемы, официальные обеды. Впрочем, к разного рода угощениям Скрин вообще неравнодушен. Он всякий раз с большой дозой любования отмечает разнообразные угощения, приводя даже наиболее понравившееся ему меню. Блюда свой престиж, он соответствующим образом расценивает и тех лиц, с которыми встречается. С неудовлетворением отмечает, что такой-то прислал ему карточку, а не явился приветствовать лично, а такой-то нелюбезно принял, вероятно, под влиянием опия. Это очень характерно для трафаретного чванства даже культурного англичанина. Скрин в общем сочувственно говорит о местных обитателях, особенно уделяя внимание киргизам. Но все же в нем чувствуется все время

сознание недостижимого превосходства носителя европейской цивилизации. Надо однако сказать, что в эпизоде с судом, где он участвовал, Скрин достаточно стыдливо умалчивает о тех способах, весьма, вероятно, далеких от всякой „цивилизации“, которыми заставили подсудимого сознаться. Китайские пытки хоть кого заставят сознаться. Но Скрину сказать об этом неудобно, и он предпочитает здесь сказать незнающим и непонимающим. Любопытен описанный им эпизод весьма энергичной и быстрой расправы с зарвавшимся самодуром китайским генералом. Но сколько таких генералов осталось и сейчас еще в Китае...

Фиксируя свое внимание на современности, Скрин уделяет место и прошлому страны. К сожалению, страницы, посвященные археологии и истории, весьма скудны и незначительны. Прошлого Китайского Туркестана заслуживает гораздо более подробного освещения. Можно смело сказать, что к числу интереснейших и заслуживающих исключительного внимания археологических открытий нашего времени принадлежат как раз открытия в Китайском Туркестане. Экспедиции и поездки Клеменца, Грюнведела, Пеллио, Лекока, Ольденбурга, Штейна и других открыли изумительные научные сокровища. Недаром тут на научном поприще соревновались русские, немцы, французы и англичане. Открытые в Китайском Туркестане памятники дают представление об интенсивной и бурной жизни страны, где сменялись народы, воздвигались и рушились государства, создавались те или иные культурные формации. Материальная документация говорит о многом; опытная рука археолога оживила камни и снова извлекла на свет засыпанные песками памятники былых дел и дней. Остатки больших и значительных культур таит в себе Китайский Туркестан.

Археологические работы в Китайском Туркестане велись в различных направлениях, и целый ряд пунктов отмечен своими особыми достопримечательностями. Расположенный ближе всего к Индии Хотанский оазис изобилует любопытнейшими памятниками, находящимися под сильным влиянием греко-буддийского искусства, пышно расцветшего в Индии и особенно ярко отобразившегося в Гандхаре (Северо-западная Индия). Здесь пробивалась и сильная струя эллинистического искусства. Хотан долгое время был оплотом буддизма и рассадником индо-буддийской культуры. Есть основание думать, что сюда

были выведены и индийские колонии. Через Хотанский край индо-буддийская культура распространилась и дальше по Китайскому Туркестану, запечатлевая свое шествие по старинным торговым и караванным путям. Любопытно однако, что на памятниках Хотана (архитектура и скульптура) наряду с преобладающим индийским влиянием можно видеть переднеазиатское влияние, шедшее из Ирана, и отчасти некоторые китайские элементы. В Кучарском оазисе обнаружено большое количество пещер с остатками примечательнейшей фресковой живописи; тут уже в большей степени дают себя знать переднеазиатские мотивы и определенно сказывающееся восточно-китайское влияние. Сюжеты и манера письма остаются и здесь однако индийскими. Очень интересны старинные города около Лоб-Нора, руины которых реют в безводной пустыне. Тут обнаружены были любопытнейшие памятники, находящиеся под сильным эллинистическим и переднеазиатским влиянием. Характерные образцы уйгурского искусства, в котором причудливо сочетались иранское и сильно сказывающееся китайское влияния, найдены в Турфане. Переднеазиатские элементы типичны и потому, что часть уйгуров была манихейцами, тесно связанными с иранскими проповедниками. Необходимо отметить, что древние памятники Китайского Туркестана, ныне подвергнутые пристальному изучению, представляют не только чисто художественный интерес; ряд изображений дает возможность судить о типах населения, о социальном и бытовом укладе и пр. Материальная документация прекрасно может быть использована для общих историко-социологических построений. Смена культур и народностей на территории Китайского Туркестана, их скрещивание и сосуществование, те или иные формы государственности и социальных отношений (заслуживают внимания, например, определенно выявившиеся черты феодализма, рыцарства и т. п.)—все это так или иначе сказалось на многочисленных и все еще далеко целиком не вскрытых памятниках изобразительного искусства. Работа для историка, социолога, этнографа и археолога в Китайском Туркестане еще предстоит огромная.

На ряду с далекой стариной любопытно проследить развитие искусства, главным образом искусства прикладного, и в новейшее время. Не надо ведь забывать, что Хотан до сих пор славится своими ковровым производством и изготовлением шелковых тканей. Правда, сей-

час ковровое искусство как-будто глохнет, как глохнет оно вообще в Средней Азии, особенно благодаря применению пресловутых анилиновых красок. Скрин в своей книге очень общо говорит о древних памятниках, конечно, отмечая их значение; упоминает он и о современном состоянии художественной промышленности.

Больше места уделяет английский наблюдатель описаниям этнографического порядка, фиксируя характерные стороны современного бытового уклада. Он рассказывает о семейных отношениях, о браке и брачных обрядах, о положении женщины. Любопытны его указания на существование своеобразных организаций нищих, аналогичных, по видимому, соответствующим китайским организациям. Не прошел он мимо вопросов просвещения и религии.

Китайский Туркестан как в прошлом, так и в настоящем находился как бы меж двух огней. С одной стороны (и в большей степени) на него влияли Индия и Передняя Азия, с другой стороны шла китайская волна. Китай настойчиво и систематически, несмотря на всевозможные трудности, стремился к упрочению своего господства в Восточном Туркестане. Скрин мельком говорит о тех формах китаизации, которые замечаются в последнее время. Это очень знаменательный факт, стоящий в связи с оживлением экономических связей Синьдзяна с собственно Китаем. Но „окитанть“ все население Восточного Туркестана — дело нелегкое, да и невозможное.

Книга Скринна, несмотря на ее некоторую эскизность и общность, представляет интерес и значение, знакомя нас с любопытным, богатым своим прошлым и настоящим краем. Но знакомство с этим трудом английского правительственного агента лишний раз и настойчиво ставит вопрос о необходимости изучения Китайского Туркестана нашими советскими научными силами.

И. Борздин

ВВЕДЕНИЕ

Китайский или Восточный Туркестан (иначе Кашгария) представляет собою южную часть китайской провинции Синьцзян, самой западной из провинций Китая. Естественными границами области служат: с севера горный хребет Тянь-Шань, с запада Памир, с юга Куэн-Лунь и с востока, за долиной реки Тарима, Бэй-Шань. Таким образом Китайский Туркестан образует как бы большую в виде неправильного четырехугольника котловину, окруженную со всех сторон горами, поверхностью свыше 1 450 000 кв. километров, что почти в три раза превышает площадь современной Германии. Значительную часть этой котловины заполняет пустыня Такла-Макан, одна из самых страшных пустынь Центральной Азии. Между пустыней и горами лежит ряд плодородных оазисов, самыми значительными из которых являются: кашгарский, яркендский, каргалыкский, гумский, хотанский и керийский оазисы на южной окраине пустыни, аксуйский, кучинский и маральбашский—у подножия Тянь-Шаня на севере. В водном отношении Кашгария представляет замкнутый, совершенно обособленный бассейн реки Тарима или Яркенд-Дарьи с притоками, берущей свое начало из ледников Каракорумского хребта и текущей почти на 2 500 километров в восточном направлении до впадения в озеро Лоб-Нор..

На севере Китайский Туркестан граничит с СССР и Чжунгарией, на западе с СССР, Афганистаном и Индией, на юге с Тибетом, на востоке с китайской провинцией Ганьсу.

В административном отношении вся провинция Синьцзян делится на восемь округов с центрами в Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Карашаре, Аксу, Кашгаре и Хотане. Во главе каждого округа стоит даоинь. Округа в свою очередь делятся на уезды, числом 41, начальниками которых состоят амбани. Кочевое население управляется на особых основаниях в зависимости от района.

Во главе всей провинции с 1912 года находился дубань (генерал-губернатор) Ян Цзэн-синь, формально подчиненный пекинскому правительству, фактически же почти совершенно от него независимый. В 1928 году Ян Цзэн-синь в результате заговора, организованного комиссаром по иностранным делам Синьцзянской провинции Фань Яо-нанем, был убит и в Синьцзяне, как в других провинциях, признавших власть нанкинского (национального) правительства, было образовано местное национальное правительство, председателем которого (чжу-си) состоит Цзинь Шу-жень.

Численность населения Кашгарии разными исследователями определяется в 1½—2 миллиона, точных цифр нет. Главную массу населения (свыше 60%) составляют турки (иначе узбеки или уйгуры), народ смешанного арийско-тюркско-монгольского происхождения. Затем идут казаки, монголы-калмыки, киргизы, китайцы, таджики и другие. Общего названия для жителей страны нет,

сами себя они именуют по месту жительства: кашгарлык, яркендлык и т. д. Основная масса оседлого населения исповедует мусульманскую религию и говорит одним языком, представляющим особое наречие тюркского, без труда понимая друг друга, несмотря на разницу областных говоров.

Главные занятия населения — земледелие, скотоводство и кустарные промыслы. Засушливый климат Кашгарии вынуждает в широкой степени прибегать к системе искусственного орошения при помощи оросительных каналов (арыков). Зато при достаточном количестве влаги плодородная лессовая почва дает богатейшие урожаи. Фабричная промышленность в Китайском Туркестане почти отсутствует. Из кустарных промыслов наибольшее распространение получили изготовление грубых хлопчатобумажных тканей (повсеместно), войлоков (Хотан, Куча), ковров, шелковых и металлических изделий (Хотан) и т. д.

Китайский Туркестан изобилует природными богатствами всякого рода. Во многих местах встречаются полезные ископаемые и ценные минералы: золото, медь, железо, селитра, сера, каменный уголь и нефть, добыча которой, впрочем, ведется в незначительных размерах.

С древнейших времен Китайский Туркестан славится также обилием нефрита, ценного камня, изделия из которого находят широкий сбыт среди коренного населения Китая. Наиболее богатые местонахождения нефрита встречаются по рекам, текущим по южным склонам Куэн-Луня.

Пути сообщения в Китайском Туркестане находятся в неудовлетворительном состоянии. Замкнутый высокими горными хребтами и отделенный от внутреннего Китая пустыней, Китайский Туркестан с трудом доступен извне. Наиболее удобные пути к нему ведут из Советского Союза, к которому страна экономически и тяготеет.

История сношений царской России с Китайским Туркестаном ведет свое начало с XVIII столетия. В 1713 году сибирский губернатор князь Гагарин послал в Малую Бухарию (как тогда назывался Китайский Туркестан) тобольского дворянина Трушникову „провесть о песочном там золоте“. Трушникову удалось проникнуть до Куку-Нор в Тибете и вывезти оттуда образчики золота.

Петром Первым были снаряжены в Китайский Туркестан еще две экспедиции с явно завоевательными целями. Экспедиции эти успехом не увенчались.

Затем всякая связь между Россией и Китайским Туркестаном прерывается до второй половины XIX столетия, когда в Китайский Туркестан было послано несколько экспедиций, научных и военных, из которых наибольшую известность получили экспедиции Пржевальского, Потанина и Певцова.

По С.-Петербургскому договору 1881 года Илийский край был возвращен Китаю и установлена граница между Кашгарией с одной стороны и Семиречьем и Ферганой — с другой. С этого времени начинаются регулярные сношения между Россией и Китайским Туркестаном.

Царская Россия распоряжалась в Китайском Туркестане как у себя дома, почти не считаясь с местными

властями. При консульствах в Кашгаре и Таш-Кургане содержались воинские отряды. Революция 1917 года положила конец такому порядку вещей, но царское консульство в Кашгаре продолжало существовать до 1920 года, когда оно было окончательно упразднено. На смену ему с осени 1925 года появилось советское консульство.

6 октября 1924 года в Урумчи на основании пекинского договора СССР с Китаем от 31 мая 1924 года было достигнуто соглашение по вопросу об учреждении советских консульств в Синьцзяне и китайских в примыкающих к Синьцзяну областях СССР. Советские консульства были учреждены в Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке и в Шара-Сумэ; китайские—в Ташкенте, Андижане, Алма-Ата. Семипалатинске и Зайсане.

С этого времени между Советским Союзом и Синьцзяном поддерживаются оживленные торговые сношения. Так, оборот по внешней торговле с Синьцзяном за последний отчетный 1928—1929 год достиг суммы 29 829 000 руб., при чем на долю ввоза в Советский Союз приходилось 13 778 000 руб. и вывоза из последнего—16 051 000 рублей.

Главными предметами ввоза (из Синьцзяна) служили шерсть, хлопок, кожсырье, вывоза из Советского Союза—мануфактура, металлические изделия, сахар.

Торговая связь между Советским Союзом и Китайским Туркестаном неуклонно развивается и крепнет.

Б. Владимиров

ГЛАВА I

К СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ ИНДИИ

В декабре 1921 года я получил назначение ¹ в Кашгар в Китайском Туркестане, куда давно стремился попасть. Торопиться особенно с отъездом мне было нечего. Самый удобный и скорый путь в Кашгарию через советскую территорию по Средне-Азиатской железной дороге до Андижана и оттуда на лошадях через Тянь-Шань для меня в виду революционных событий в Советском Туркестане был закрыт, а из Северной Индии, где я тогда находился, можно было выехать не ранее середины лета, когда горные перевалы очистятся от снега.

Отправным пунктом я избрал Сринагар, главный город Кашмира, куда в мае прибыл с женой. Отсюда через месяц нам предстояло двинуться в далекий и трудный путь.

Через мощные хребты Гиндукуша и Каракорума, отделяющие Китайский Туркестан от индийских владений, ведут три дороги: на Читрал, Гильгит и Лех. В большей своей части они поддерживаются в полном порядке и исправности, но доступны только для вьючного транспорта. Ширина их колеблется в пределах от 90 сантиметров до 1,8 метра.

¹ На должность британского генерального консула.

Первая из этих дорог, через Читрал, для обычного движения закрыта. Второй дорогой, на Лех и далее через Каракорум до Яркенда, пользуются чаще всего.

Это — одна из самых высокогорных и трудных дорог в мире. До замирения княжеств Хунзы и Нагара в 1891 году она считалась небезопасной, так как туземные обитатели этих княжеств производили частые нападения на караваны. Теперь передвижение по ней вполне безопасно. Британские власти обращают большое внимание на поддержание ее в исправном состоянии. Вдоль дороги местами оборудованы казенные склады с продовольствием для людей и вьючных животных, которое отпускается по сходной цене.

Тем не менее трудности движения по этой дороге весьма велики. Прежде всего с большими опасностями связан переход через перевал близ Сринагара благодаря частым снежным метелям и постоянным обвалам. Затем между Лехом и Яркендом приходится одолеть еще пять перевалов высотой свыше 4 800 метров, из них, три весьма трудных и, наоборот, самый высокий из всех Каракорум, высотой 5 600 метров, сравнительно легок для перехода. Для этой части пути караванам приходится брать с собой продовольствие для людей и животных на четырнадцать переходов. Другим препятствием являются бесчисленные горные потоки и быстро вздувающиеся от тающих снегов реки. Проводники: большей частью жители округов Каргалыка и Гумы, каждый год теряют массами лошадей, которые не в состоянии вынести разреженный воздух высоких горных проходов или гибнут от недостатка

корма и других причин: от обвалов, при переправах через реки и т. п. Тем не менее летом и осенью поддерживается оживленное движение. Из года в год караваны везут из Индии в Яркенд бумажные и шерстяные материи английского производства, английские и немецкие краски, индийский чай и парчу, пряности и сахар с Цейлона, а в обмен из Китайского Туркестана идут войлоки, гашиш, шелковые и ковровые изделия из Хотана, золотой песок и серебро.

Большинство европейских путешественников, спортсменов, миссионеров и др., направляющихся из Индии в Китайский Туркестан, едет этой дорогой. Но мне, как ехавшему по служебной надобности, был открыт еще третий путь, более короткий, удобный и интересный: это — через Гильгит, перевал Мин-Теке и Китайские Памиры. В силу целого ряда причин дорогой этой для обычных торговых сообщений не пользуются. Во-первых, путь по узкому ущелью реки Хунзы между Бальтитом и Мисгаром недоступен для навьюченных лошадей, так как все грузы приходится перевыучивать на носильщиков, которые перетаскивают их небольшими ношами весом в 23 килограмма от деревни до деревни. Далее, эта дорога небезопасна в виду возможных нападений со стороны обитателей Хунзы и Нагара. В третьих, большие осложнения вызывает вопрос с продовольствием, неохотно отпускаемым со скудных правительственных складов. Для меня этих препятствий не существовало, а наоборот, власти на всем пути выказывали по отношению ко мне чрезвычайную предупредительность,

Открытие движения по этой дороге стоит в зависимости от состояния снегов на горных перевалах Траг-баль (3 300 метров) и Бэрзиль (4 100 метров), которые становятся проходимыми обычно не ранее начала июня, хотя по ночам, когда снег крепче, переход становится возможным недели за три—четыре до обычного срока.

Ехало нас четыре человека: я, жена, мой приятель, чайный плантатор с Явы, для которого пришлось испрашивать отдельное разрешение, и мой слуга Ахмед.

Начались сборы. Прежде всего нужно было приобрести прочные, обшитые кожей или обитые жестью деревянные сундуки для вьюков (ягданы) и обшитые кожей корзины для носильщиков. Заказ на них взялись выполнить местные ремесленники. Затем пришлось приобрести седла, палатки, теплое и летнее платье и т. д. Решено было захватить с собой также необходимые кухонные принадлежности. Для подарков в пути были закуплены часы, ножи и разные мелкие предметы домашнего обихода.

Вопрос о транспортных средствах был решен таким образом, что мы наняли двадцать пять вьючных лошадей, которые должны были ждать нас в Бандипуре, куда мы намеревались добраться из Сринагара водой на барке.

Оставалось еще разрешить вопрос о переводчиках. Мои трудности в этом отношении поймет всякий, если сказать, что на пути от Сринагара до Кашгара местное население говорит на семи различных языках, не считая наречий. Однако переводчика, который мог бы изъясняться на всех этих языках, найти не удалось,

Наконец 3 июня 1922 года все было готово, и мы двинулись в путь на нашей барке по реке Джелум до Бандипура, где последовала высадка, и дальше поехали по дороге среди гор, покрытых хвойным лесом и перемежающихся долинами с хлебными полями и тузовыми и каштановыми рощами.

Ехали пока мы со всеми удобствами, останавливаясь на ночлег в небольших станционных помещениях, имевших по две—четыре комнаты, и дорога, за исключением перевалов, пока не представляла никаких трудностей. По желанию, мы ехали верхом или шли пешком. Нам по необходимости пришлось обращаться за перевозочными средствами к местным жителям. Население после двух голодных годов было сильно истощено. Причиной голода была гибель урожая, вызванная чрезвычайно сильными ливнями, уничтожившими все хлебные поля. Больные жители горных сел на ряду с остальным населением вынуждены были питаться дикими растениями и разными отбросами. Они обращались к нам по дороге за помощью, но мы мало могли уделить им из своих скудных запасов.

Переход через высокогорный перевал—всегда крупное событие для горного путника или туриста. Таким перевалом явился для нас Бэрзиль. Трагбал в счет итти не мог, так как он едва достигал 3 300 метров высоты и скорее напоминал горное плато, по которому тропинка тянулась извивами на несколько километров, пока не спускалась круто вниз в поросшую лесом долину. Зато высота Бэрзильского перевала доходила до 4 200 метров, и подъем на него занял два перехода.

Подъем все время шел по местности, изобилующей красивыми горными видами.

Особенной опасности, впрочем, переход этот не представляет с тех пор, как правительственными властями была устроена на перевале каменная сторожка, где можно передохнуть и согреться.

Под палящим солнцем Кашмира в июне снег тает даже на высоте 4000 метров, и перевалы, подобные Бэрзильскому, рекомендуется поэтому проходить ночью или рано утром, когда снежный покров крепче. Мы также поднялись рано утром и, одевшись во все теплое, принялись карабкаться по камням по крутому подъему кверху.

Брезжил рассвет, когда мы вышли на обширное снежное поле и увидели другую сторожку на высоких деревянных, высотой 12 метров, столбах-сваях, представлявшую приют для служащих индийского телеграфа. Нам объяснили, что снежный покров зимой достигает высоты дверей сторожки.

Когда к полудню солнце стало припекать, я понял также, почему нам нужно было переходить перевал ночью: снег растаял, и в нем беспомощно вязли люди и лошади.

На северной стороне перевала нас поджидали три всадника, посланные нам навстречу из Кашгара; из них Гафиз, кашгарский уроженец, был потом взят мною на службу.

Ущелье реки Астор, по которому нам затем пришлось ехать, очень узкое, в некоторых местах тропинка подходит к самому потоку, бурному и стремительному.

Переправа через реку Астор

Одна из вьючных лошадей, очень беспокойная и буйная, ударила другую, та не осталась в долгу, лошади стали кусаться и драться и едва не упали обе в реку, лишь с трудом удалось их разнять.

В Рамгэте нас ожидала необычайная переправа через реку Астор в деревянном висячем ящике, передвигавшемся на блоке по стальному канату, перекинутому

через реку. В ящике могло поместиться только два человека. Лошадей с поклажей пришлось, понятно, отправить в обход до ближайшего моста через реку Инд, а самим двое суток брести 70 километров до Гильгита. Это была самая неприятная часть всей дороги от Сринагара до Кашгара благодаря неимоверной жаре и надоедливому насекомым. Приходилось двигаться по накаленным камням, и лишь изредка попадались тенистые и прохладные места. Некоторым вознаграждением для нас был чудный вид на гору Нанга-Парбат, почти в 8 000 метров высотой.

Наконец 15 июня мы прибыли в Гильгит, где провели три дня в доме английского политического агента окруженные всеми удобствами. Гильгит является важным узловым центром для целого ряда дорог, расходящихся от него во все стороны по направлению к Кашмиру, Бальтистану, Канджуту (Хунзе), Читралу и т. д. Всего за 12 дней от Бандипура мы прошли и проехали 365 километров.

ГЛАВА II

ЧЕРЕЗ КАРАКОРУМ

Местность, входящая в состав Гильгитского округа, с давних пор известна под общим именем Дардистана. Населена она двумя совершенно различными племенами: ешкунов, к которому принадлежит население Хунзы и Нагара, и шинов. Предполагают, что ешкуны, древние обитатели Китайского Туркестана, отступив под натиском гуннов, во II столетии нашей эры про-

ники' в долину Инда и поднялись к его верховьям, а затем были постепенно оттеснены далее к северу в неприступные твердыни Каракорума численно более сильными шинами, родственным индусам племенем. Мало известная страна Хунза более известна под именем Канджута. Хорошо сложенные, сильные и смелые горные жители Хунзы и Нагара представляют резкий контраст с малорослыми шинами. Язык их „бурушки“ также отличается от языка шинов. Как память о своем далеком прошлом канджутцы сохранили некоторые древние спортивные игры в роде примитивного поло древних персов или стрельбы из лука в цель верхом на всем скаку.

Согласно китайским хроникам, в VII столетии нашей эры район теперешнего Гильгитского округа находился в руках китайцев, которым таким образом удалось вбить мощный клин между арабами в верховьях Аму-Дарьи и тибетцами в Ладаке. Между 722 и 742 годами тибетцы в стремлении утвердиться на Памирах, чтобы потом двинуться на Кашгар, захватили сначала Бальтистан (Полу), а затем овладели районом Гильгита. Это придало решимости китайцам. Ими была двинута десяти тысячная армия из Кашгара на Памиры, которая разбила тибетцев, прошла необыкновенно трудный Даркотский перевал (высотой 4 600 метров) и заняла всю Гильгитскую область, включая долину Хунзы. В образованном ими военном округе был оставлен гарнизон в тысячу человек, для которого продовольствие доставлялось из отдаленного Кашгара.

Однако китайцы не долго удержали власть, тибетцы скоро прогнали их, и только спустя тысячу лет они

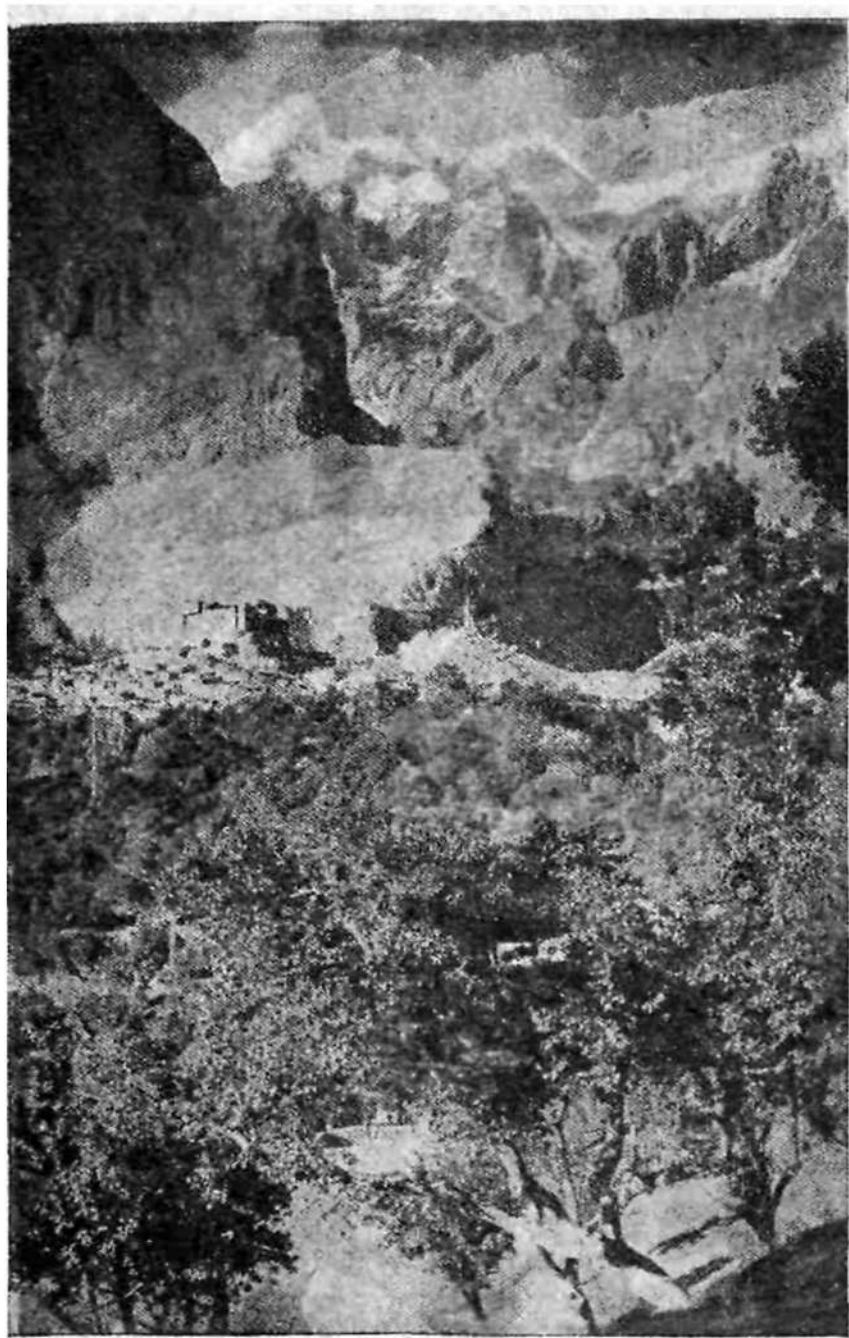
утвердили снова свою власть, но еще до середины XIX столетия сохранилась память об их владычестве, и мир (правитель) Хунзы ежегодно посылал кашгарскому губернатору номинальную дань в виде золотого песка и шерстяных материй.

Край этот очень беден. Незначительное количество годной для обработки земли едва дает возможность населению поддерживать свое существование. Неудивительно поэтому, что с давних пор и до прихода англичан жители Хунзы и Нагара занимались грабежами караванов на путях, ведущих к Леху и Яркенду, набегами на Гильгит и торговлей невольниками, которых продавали киргизам.

Между населением Хунзы и Нагара, отделенными друг от друга рекой Хунзой, сохранились еще следы прежнего соперничества, которое проявляется, правда, теперь только в мирной области спортивных состязаний. Различие религиозных верований (хунзийцы — последователи Ага-хана, исмаилиты, нагарцы — сунниты) скорее склонно усилить это соперничество.

Переход от Гильгита до Бальтита (столицы Хунзы) занял четыре дня. Первые два перехода, до Чалта, были очень скучны. Дорога шла по дну узкого ущелья реки Хунзы, закрывавшего весь кругозор. Местами она была высечена в скале. Ширина ее не превышала 120—180 сантиметров.

Затем путь стал интереснее и разнообразнее. Ущелье постепенно расширилось. Стали появляться деревушки, утопающие в садах, и расположенные террасами по склонам гор поля, над которыми показались ледники

Бальтит

прилегающих горных высот. В двух километрах от Бальтита нас встретил мир (правитель) Хунзы и пригласил в свой дворец. В нашу честь он организовал разнообразные игры и увеселения и предоставил в наше распоряжение двух своих людей, которые затем поступили ко мне на службу: один в качестве конного ординарца, а другой — повара.

ГЛАВА III

ЧЕРЕЗ ВЕЛИКИЙ ВОДОРАЗДЕЛ

От Бальтита до следующего населенного пункта Гульмита путь наш шел дальше по ущелью реки Хунзы, по дну которого с бешеным ревом мчался поток. Горная тропа здесь суживалась до 45 сантиметров. Местами для устройства дороги пришлось вбить в карнизы скал бревна и покрыть их настилом из веток. В других местах, где образовались расселины, через них были переброшены со скалы на скалу связанные вместе деревянные балки. Переход этот оказался трудным и утомительным.

Гульмит, где мы остановились, представлял красивую, всю в зелени, деревушку, население которой составляли выходцы из Вахана от истоков Аму-Дарьи, говорящие на древнем персидском наречии вакхи.

На следующий день, 27 июня, мы пересекли один ледник обошли подножие другого, а затем пересекли третий и к восьми часам вечера остановились на ночлег в небольшой деревушке Хайбар. Из ледников представлял интерес только громадный ледник Батура, длиной

60 километров; остальные были покрыты камнями и грязью. Переход через Батурский ледник был особенно утомителен для полсотни наших носильщиков, местных жителей, которые несли на спине каждый установленный груз, $22\frac{1}{2}$ килограмма: поверхность ледника постоянно меняется, проторенной тропы нет, и приходилось с особенным вниманием выбирать дорогу среди трещин и наполненных водой впадин.

Из-за дождя мы на другой день прошли только тринадцать километров. Дорога пролежала среди живописных гор, отдельные вершины которых достигали шести километров высоты. Устроились мы на ночлег вблизи красиво расположенной деревушки Гэрчи.

На другой день мы миновали всю заросшую садами деревушку Сост и переправились через реку Килик. Несколько раз мы взбирались и спускались по головокружительной тропе шириной не более шестидесяти сантиметров, проложенной на искусственных подпорках, пока не достигли черного каменистого плоскогорья Мисгар на высоте 3080 метров, где летом проживало до тридцати семейств канджутцев. Там и сям виднелись их крохотные полевые участки, засаженные ячменем и заботливо огороженные. Ночь мы провели в помещении телеграфной станции, вся работа которой заключалась только в приеме поступающих из Кашгара или передававшихся туда депеш. От станции до Кашгара телеграммы через Памиры доставляются особыми курьерами, на что зимой и летом уходит двенадцать дней.

На следующий день, миновав красивые альпийские луга, мы подошли к подножию ледника, расположен-

ного близ перевала Мин-Теке, и остановились на ночлег в дорожной будке, устроенной на высоте 4 000 метров. Компанию нам составили два яка, предупредительно присланных миром Хунзы. Поражала легкость, с какой эти тяжелые животные с большим грузом взбираются по крутой и каменистой тропе.

Со свежими силами наутро мы приступили к подъему на самый перевал, достигающий высоты 4 600 метров над уровнем моря. Погода нам благоприятствовала, но разреженный воздух сильно затруднял подъем.

Наконец мы достигли вершины перевала. Мы находились на „крыше мира“, на границе Индии и Китая, у водораздела рек Аму-Дарьи, Инда и Яркенд-Дарьи. С вершины перевала открывался вид на весь Минтекский ледник и многочисленные причудливой формы горные пики, обступившие его. Но мы не стали задерживаться и поспешили вперед, чтобы взглянуть по другую сторону перевала. Еще несколько шагов по грязному талому снегу, и мы находились уже в Китае, стояли на китайской территории. Перед нами на севере развевалась обширная панорама Памир. Поражали нас их мощные размеры, какая-то особенная закругленность их форм, чистота их снегов. Все это представляло резкий контраст с беспорядочным нагромождением мрачных гор, которые мы оставили позади себя. Высота „крыши мира“ колеблется в пределах 3 000—4 200 метров, но даже отдельные вершины в 5 400—5 700 метров не выделялись из общей массы, подавлявшей их своими размерами.

Всего от Гильгита до вершины перевала мы прошли за четырнадцать дней расстояние примерно в триста километров.

На северной стороне перевала нас ожидали Шерифбек, киргиз по происхождению, представитель амбана Сарыкольского уезда, и другие местные жители. Остановились мы на ночлег в специально разбитых для нас палатках.

Когда на другой день (3 июля) мы двинулись в дальнейший путь, караван наш состоял целиком из яков: шести верховых и восемнадцати вьючных. Передвижение наше пошло быстрее. Переход до Беика (43 километра) мы сделали в десять с половиной часов. По дороге мы встретили становище одного из киргизских беков, которого угощали накануне. В свою очередь он пригласил нас к себе и поднес нам угощение, состоявшее из круглых хлебных лепешек, сухих абрикосов, слив и творога из молока яка. Все было очень вкусно. Хозяева по восточному обычаю угощали нас стоя и сами ничего не ели. Особенное наше внимание привлекли женщины в своих живописных нарядах с оригинальными головными уборами в виде высокого белого тюрбана. Своих лиц женщины не закрывали.

С трудом отпустили нас радушные хозяева. Но через каких-нибудь один—два километра мы дошли до становища другого бека, еще более богатого, также зазвавшего нас к себе и предложившего угощение, которое мы вынуждены были принять, чтобы не обидеть радушного хозяина. С облегчением мы вздохнули, узнав, что до Беика уже больше некому будет пред-

лагать нам угощение. Затем мы проследовали мимо устья реки Мин-Теке. В нескольких километрах отсюда проходят границы Афганистана и Советского Союза, так что мы находились вблизи рубежа четырех государств. Местность здесь была покрыта кругом зелеными лугами, на которых мирно паслись киргизские стада. Поражало обилие сурков, при нашем проезде поспешно прятавшихся в свои норы.

На ночлег мы остановились в Беике, представлявшем собой небольшой военный пост на высоте 3800 метров, в скорости после нашего проезда упраздненный. Здесь дуют постоянные ветры.

На перегоне от Беика до Дафдара (35 километров) много хлопот доставил нам наш караван из-за неумения погонщиков правильно закреплять выюки, которые постоянно сваливались с плеч животных.

По дороге мы обратили внимание на развалины старинной крепости на высокой горе. Название крепости Кыз-Курган, или „Замок девицы“. Замок этот, по народному преданию, в древние времена принадлежал одной персидской царевне, правительнице Сарыкола, которая жила в нем, окруженная стражей из амазонок. По записям китайских путешественников, уже в VII столетии нашей эры замок этот представлял одни развалины.

От Дафдара, где находится колония выходцев из Афганистана, сумевших превратить пустынную местность в цветущий край, дорога на протяжении пятидесяти пяти километров до Таш-Кургана становится ровной и вместе с тем однообразной. Только слева порой

в ясную погоду на значительном расстоянии показываются остроконечные пики Сарыкольского хребта, да впереди мелькнет снежная вершина Музтаг-Ата.

В нескольких километрах от Таш-Кургана нас встретили аксакал, или старшина британских подданных, и „пир“, местный глава мусульманской секты последователей Ага-хана (исмаилитов). Опять нам пришлось принимать неизбежное угощение от того и другого. В мебели, повидимому, у хозяев ощущался недостаток. По крайней мере, мы видели, как служивший нам у аксакала стол и три стула поспешно перевозились верховыми всадниками к „пиру“, и к нашему приходу стол уже был заставлен кушаньями.

Местный амбань через своего секретаря послал мне свою визитную карточку огромных размеров на красной бумаге. Выхать навстречу сам он, очевидно, не счел нужным.

ГЛАВА IV

ПО ГОРНОЙ ДОРОГЕ В КИТАЙ

Название Таш-Курган по-тюркски означает „Каменная крепость“. В настоящее время город является местопребыванием амбаня, или начальника Сарыкольского уезда, растянувшегося узкой лентой вдоль восточного края памирского плато.

Сарыкольский округ образован в начале текущего столетия с водворением на Памирах русских, которые соорудили в Таш-Кургане укрепление и держали в нем с 1901 года казачий пост, эвакуированный лишь

в 1920 году. Население округа — таджики и киргизы или, как их называют русские, кара-киргизы.

От Таш-Кургана к Кашгару ведут две разные дороги. Одна из них, которой пользуются обычно летом, называется Восточной или Чичикликской. Дорога эта пересекает четыре перевала высотой 3 600 — 4 800 метров и три долины, слабо заселенных киргизами, чтобы в конце концов выйти на большую Центрально-Азиатскую равнину вблизи цветущего города Янги-Гиссара. Зимняя дорога от Таш-Кургана проходит через легкий для подъема перевал Улуг-Рабат (4 350 метров) в Памирах, минуя красивые озера Малый Кара-Куль и Басык-Куль, и вступает в ущелье реки Гез, пересекающее ледяные массивы Кунгура (7 500 метров) и Чакрагиля (6 600 метров). Вблизи Ташмалыка дорога выходит на кашгарскую равнину, откуда можно добраться до Кашгара в два перехода.

Сарыкольский уезд пользуется самой дурной славой у китайских чиновников Китайского Туркестана. Главный город его — Таш-Курган — расположен на высоте 3 000 метров над уровнем моря, и про климат его можно только сказать, что там девять месяцев длится зима. До ближайшего культурного центра приходится ехать не менее десяти суток верхом, вместо излюбленного китайцами способа передвижения — в экипаже. Затем также и население округа невыгодно отличается в глазах чиновников своим беспокойным и строптивым характером от мирных и робких жителей равнин. После этого не покажется удивительным, что генерал-губернатор Китайского Туркестана, проживающий в Урумчи.

с трудом находит сюда подходящего кандидата на пост амбана, и если он тем не менее такового находит и даже ухитряется смещать и заменять другим в случае злоупотреблений, то это надо приписать его выдающимся административным способностям.

В летнее время пребывание в Таш-Кургане может скорее показаться привлекательным: кругом чистый горный воздух, масса зелени, красивые виды на сверкающие снегами отдаленные горы, среди которых выделяется своими размерами Музтаг-Ата („Отец ледяных гор“), высотой 7 300 метров. По обширной Сарыкольской долине видны повсюду маленькие рощицы с хуторами. Почва здесь очень плодородная. В мае сеют на полях пшеницу, овес, ячмень, а в октябре снимают урожай. Обычно собирают два укоса люцерны. Везде много диких цветущих растений.

Я решил отдать визит местному амбаню, который встретил меня не очень любезно. По всем признакам, он, видимо, незадолго до моего приезда принял большую дозу опиума, курением которого злоупотреблял.

На другой день амбань отдал мне визит. На сей раз он был вежлив, и я решил пригласить его к себе с местным начальником гарнизона и адъютантом последнего. В виду незнания мною китайского языка разговор происходил в очень курьезной форме. Амбань задавал вопрос адъютанту по-китайски, тот повторял моему переводчику по-тюркски, а последний переводил по-персидски мне.

Жена моя в свою очередь посетила жен должностных лиц города, которые отдали ей ответные визиты.

Последняя часть нашего длинного пути, переход от Таш-Кургана до Кашгара, была во многих отношениях самой интересной. Ночевали мы в киргизских палатках. Обязанность приготовления их по специальному приказу из Кашгара была возложена на местных киргизских беков. Не было также недостатка во вьючных животных. В смежном уезде, Янги-Гиссарском, мы встретили также предупредительное отношение со стороны местных властей.

Из Таш-Кургана мы выступили 9 июля. Избрали для себя мы чичикликское направление. Караван наш состоял из семнадцати лошадей и одного осла. На прощанье амбань устроил в нашу честь парад местного гарнизона, состоявшего из тридцати человек, и проводил нас со всякими церемониями.

В шестнадцати километрах от города Сарыкольская долина кончалась, и мы вступили в горы. Переночевав в Даршатской долине на высоте 3700 метров, мы на другой день прошли через перевал Кок-Муйнак (высота 4600 метров), совершенно свободный от снега, и расположились для ночлега на чичикликском плато (высота 4350 метров).

От Чичиклика, в виду опасности передвижения по более короткой дороге через Тангитарское ущелье, мы избрали обходное направление по Ямбулакской долине. По пути мы пересекли Янги-Даван („Новый перевал“), самый высокий перевал на всем нашем пути от Сринагара до Кашгара, высотой 4800 метров. Несколько ниже перевала мы заметили красивое горное озеро в 750 метров ширины, частью еще покрытое льдом.

За перевалом, в Ямбулакской долине, мы впервые встретились с кочевыми киргизами, которые встретили нас с большой предупредительностью и радушием и угостили посоленным, за отсутствием сахара, чаем. Впо-

Перевал Янги-Даван

следствии нам неоднократно приходилось сталкиваться с кочевыми киргизами, и мы сохранили самую благодарную память о них.

После перехода через перевал мы сделали однодневную остановку, чтобы изучить подступы к перевалу Мерки-Даван и попробовать через него пробраться в Верхнюю Караташскую долину, не нанесенную на карте. Попытка эта кончилась неудачей, так как пере-

вал был необычайно высокий (5 100 метров), весь занесен снегом и подниматься к нему пришлось бы по крутому ледяному склону.

Мою жену тем временем обступили в большом количестве киргизки и просили у ней лекарств. Она дала им хинину и касторового масла, что, повидимому, их более удовлетворило, чем мелкие безделушки, розданные в качестве подарков.

Нас поразило необычайное обилие разнообразных и ярких цветов в Ямбулакской долине. Тут росли первоцветы, ветренницы, лютики, колокольчики и много других.

14 июля мы переночевали на зимнем становище киргизов в Тойле-Булунг и на другой день прошли два последних своих перевала: Тэр-Арт (4 000 метров) и Кашка-Су (3 700 метров), на котором несколько задержались. После долгих странствований по горам почти не верилось, что это—наши последние перевалы.

С вершины перевала мы тщетно пытались увидеть Кашгарскую равнину. Перед нами расстилались одни зеленые хребты гор с пятнами снега там и сям и бегущими по склонам светлыми речками, шум которых слабо доносился до нас.

По крутой тропе, среди цветущих лугов, мы спустились на полкилометра и увидели палатку, в которой нас опять ждало угощение, предложенное одним киргизским беком, состоявшее из необыкновенно жесткой жареной баранины, твердого, как подошва, хлеба, маслянистого несъедобного печенья и посоленного чая. Мы решили есть свои бутерброды, которые предложили

и хозяину, а его угощение, как бы взамен, взяли к себе в мешок, чтобы потом отделаться от него при первой возможности. Свой стол нам удалось разнообразить дичью, куропатками и зайцами, которых мы встречали на пути. Попадались порой и грибы.

Долина затем приняла опять дикий и суровый характер. Несколько раз нам пришлось переправляться через ледяные потоки, текущие с гор Кзыл-Таг.

После остановки в Токой-Баши мы встретили первые деревья после Таш-Кургана, сначала низкорослые, затем, по мере того как долина снижалась, более крупные. Среди них преобладал тополь разнолистный, по-местному, туграк, свойственное только Центральной Азии дерево, иногда образующий целые леса.

Наконец мы достигли первой кашгарской деревушки Кичйк-Караул („Маленькая крепость“), где после долгого перерыва могли снова полакомиться вволю душистыми дынями и персиками.

18 июля исчезли последние холмы по обе стороны дороги, и мы достигли внушительной стены, воздвигнутой китайцами с оборонительной целью в древние времена поперек всей долины. Курьезно, что концы стены никуда не упирались, и поэтому она с самого начала не могла служить для защиты. Возле стены было устроено маленькое укрепление со сторожевым постом.

Дальше за стеной расстилалась обширная равнина с желтоватой поверхностью, местами коричневого цвета, там, где находились оазисы. Одним словом, это была Великая равнина Центральной Азии, окаймленная ши-

роким поясом оазисов и простиравшаяся от Кашгара на 3200 километров до гор Внутренней Монголии.

Стоянку мы сделали в Игиз-Яре, устроившись в небольшом глинобитном домике на конце оазиса. Если бы не желтый лёсс, из которого состояла почва, можно было бы подумать, что мы находимся в персидской деревушке.

На другой день мы двинулись к Янги-Гиссару. Я с женой с половины дороги ехал в экипаже, любезно высланном навстречу британским аксакалом.

В предместье Янги-Гиссара нас ожидало угощение, предложенное индийскими менялами-ростовщиками. Встретили нас также местный амбань и начальник гарнизона. Амбань был высокий, представительный китаец, весьма интеллигентный. По его словам, он получил юридическое образование в Пекине и был потом назначен судьей.

В сопровождении почетного кавалерийского конвоя мы медленной процессией двинулись в город. Особенное облегчение испытали мы при проезде по тенистым прохладным улицам базара. Обращали внимание китайские лавки, очень чисто и опрятно содержимые.

Остановились мы в саду пустующего летнего помещения шведской христианской миссии, где британский аксакал приготовил неизбежное угощение, состоявшее из чая, фруктов и сладостей. Немедленно сюда же прибыли с визитом амбань и начальник гарнизона. За отсутствием ключей от помещения миссии для ночлега нам был предоставлен небольшой домик на окраине города.

Вечером я отправился с ответным визитом к амбаню и начальнику гарнизона, а также нанес визит бывшему амбаню, который еще оставался в городе. Впоследствии при наших странствованиях мы почти в каждом городе заставляли одного, а то и двух бывших амбаней. По-видимому, на сдачу ими должности требовались целые месяцы, а то и годы, вероятно, в связи с путаницей в делах, особенно поскольку дело касалось денежной стороны.

На другой день до выступления в дальнейший путь мы присутствовали на официальном завтраке, устроенном в нашу честь в ямыне (канцелярии) амбана. Встречены мы были с большими церемониями и почестями, вплоть до троекратного пушечного салюта. Убранство комнат поражало своим вкусом. Завтрак у гостеприимного хозяина оказался весьма обильным и продолжительным. Преобладали специфические блюда китайской кухни в роде акульих плавников и ростков бамбука.

При отъезде для нас за городом был сервирован прощальный чай.

Выехали мы в коляске, высланной кашгарским даоинем. Дорога, чередуясь, шла меж обработанных полей и по совершенно дикой местности, как это обычно бывает в Центральной Азии. Проехав тридцать шесть километров, мы остановились на ночлег на грязном постоялом дворе в деревне Япчан.

На другой день, 21 июля, мы проехали последние тридцать семь километров, отделявшие нас от Кашгара. В пяти километрах от города нас встретили оставлявший службу британский вице-консул, аксакал

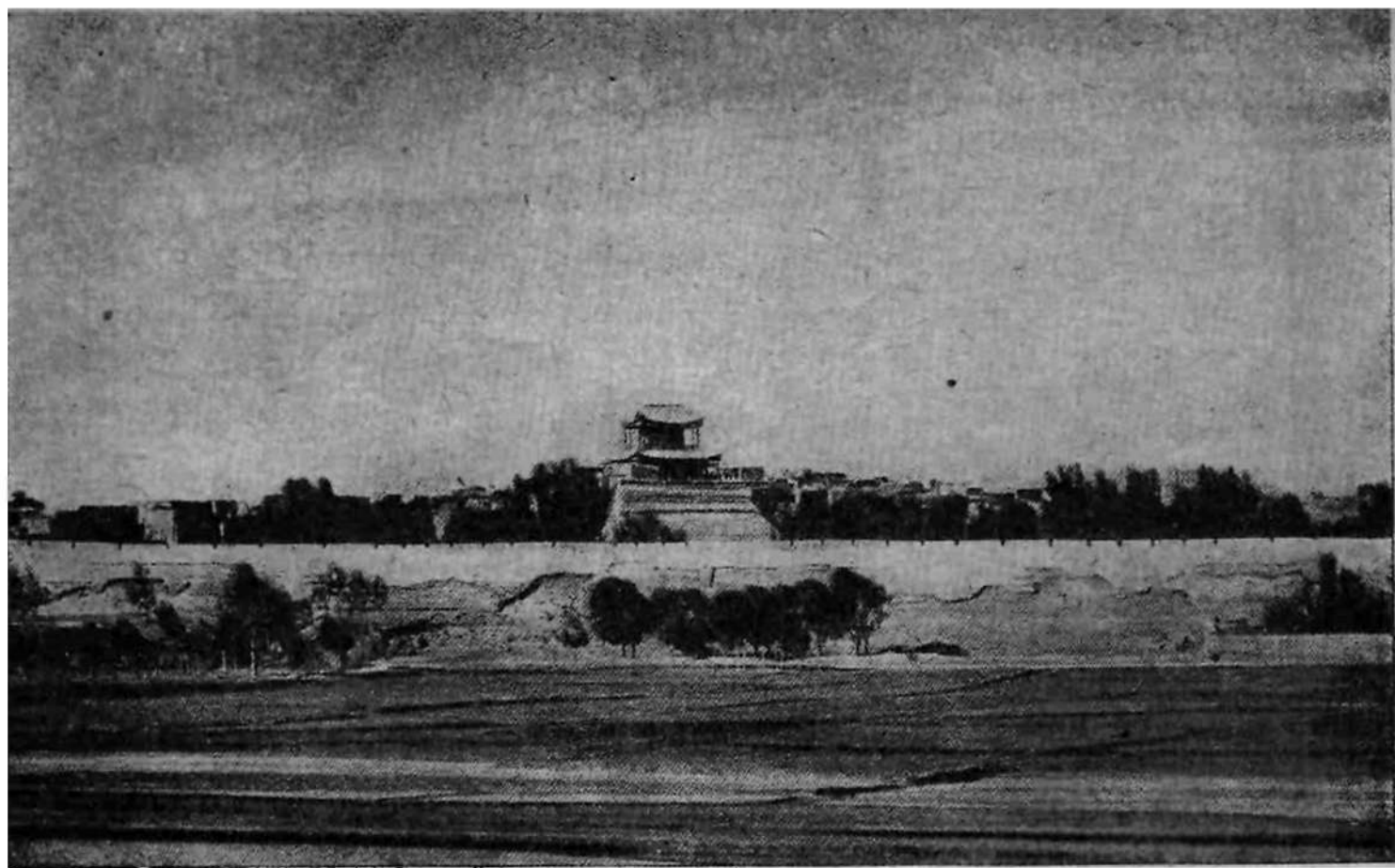
и несколько британских подданных, проживавших в Кашгаре. Через полтора километра—новая встреча: в устроенной близ дороги беседке нас поджидали китайские власти, представители шведских миссионеров и другие лица. Начался обмен взаимными приветствиями на разных языках, и после неизбежного угощения, приготовленного на сей раз почти на европейский лад, мы длинной процессией направились к городу.

Весь наш переезд от Сринагара до Кашгара занял сорок девять дней, из них восемь дней было потрачено на остановки в дороге. При желании мы могли бы проделать весь путь в сорок два дня. Путевые расходы, включая продовольствие, составляли около тысячи двухсот рублей.

ГЛАВА V

КАШГАР

Первое, что поражает по прибытии в британское консульство в Кашгаре, по-местному Чины-Баг, это—обилие зелени и тени. Повсюду, куда ни взглянешь, растут деревья: акации, платаны, тополи, ивы, высокие кустарники. Тут же в ограде консульства находятся фруктовый сад, виноградник, огород, небольшая лужайка, рощица плакучих ив, пруд с лотосами, китайская беседка, и повсюду—цветы. Самый сад был разбит на трех террасах уступами, одна над другой. Помещение консульства могло показаться комфортабельным после долгого странствования по горам и пустыням, хотя жилые комнаты значительно уступали по своему убранству и отделке приемным залам.

Кашгар. Стена старого города

Особенную гордость консульства составляла большая терраса, устроенная с северо-западной стороны дома, откуда открывался обширный вид на низменность реки Тумени. Непосредственно внизу террасы находился наш сад, обнесенный оградой. Еще ниже проходила неширокая дорога, по которой направлялось непрерывное движение из города и в город. За дорогой тянулись полосы дынных бахчей и рисовых полей, а далее протекала самая река.

На другом берегу опять виднелись рисовые поля и за линией прибрежных утесов из лёсса мелькали маленькие домики и мельницы, окруженные ивовыми рощицами. Оазис тянулся еще далее, километров на восемь к северу, где к нему вплотную подступали голые холмы, которыми заканчивались отроги Тянь-Шаня.

С террасы этой мы наблюдали восход и закат солнца и уличную жизнь со всем ее шумом и движением.

Особенно памяты остались нам звуки сигнальных рожков, которыми мельники приглашали своих заказчиков везти к ним зерно на помол.

С крыши башни консульства открывался еще более широкий вид. К сожалению, атмосфера в Кашгаре благодаря присутствию мелкой лёссовой пыли в воздухе не отличается прозрачностью. Только ранним летом и поздней осенью по утрам отчетливо бывают видны самые отдаленные горы. Белоснежные остроги Тянь-Шаня на севере не производят особенного впечатления. Зато на юго-западе, на расстоянии 90—160 кило-

Уличная сцена в Кашгаре

метров, при благоприятных условиях можно видеть огромный снежный массив Кашгарского хребта, растянувшегося на 160 километров, с отдельными вершинами, достигающими 7500 метров высоты, мощный барьер, которым Памирское плато отделяется от пустынь и оазисов бассейна реки Тарима.

Одну из особенностей кашгарского ландшафта составляет лёсс, тончайшая пыль, приносимая ветром пустыни и отлагающаяся плотными слоями различной толщины. Лёссовая почва обладает двумя особенностями: необычайным плодородием и склонностью выветриваться не в горизонтальном, а в вертикальном направлении. В результате повсюду, где можно бывает провести воду и устроить искусственное орошение (климат Кашгарской равнины вообще отличается засушливостью), там почва, состоящая из лёсса, дает исключительно богатые урожаи. С другой стороны, берега рек протекающих среди лёссовых отложений, отличаются причудливостью своих форм. Они состоят как бы из отдельных утесов, высотой 9—12 метров, желтого цвета, на верху которых нередко можно видеть дома, а внизу у самой реки — мельницы.

Населенные, возделанные оазисы Кашгарии производят впечатление безмятежного мира и спокойствия, хотя Кашгария пережила не менее бурную историю, чем любая другая страна мира. Достаточно сказать, что в течение двух тысяч лет китайцы пять раз овладевали ею и четыре раза оставляли ее. Весь период китайской оккупации, считая до настоящего времени, длился около четырехсот двадцати пяти лет. Остальное время Кашгария была добычей разных народов: гуннов, юэчжи или индо-скифов, арабов, тибетцев, уйгуров, кара-китайцев, монголов, предводимых Чингис-ханом, чжунгарских калмыков и кокандцев. Независимо от этого на протяжении веков страна понесла немало опустошений от гражданских войн, которые

велись целыми годами между ее главными городами: Кашгаром, Яркендом, Хотаном и Аксу. Население, несмотря на все эти войны и смуты, продолжало сеять и собирать пшеницу, ячмень, рис, просо, хлопок, кукурузу. Жадность завоевателей нередко приводила их к гибели. Разительный пример — история Якуба, бека, кокандского выходца-авантюриста, организовавшего восстание против китайцев. Он правил двенадцать лет страной как настоящий деспот. Население плодородных оазисов сократилось при нем наполовину, как равно уменьшилась и площадь возделываемой земли. Результат был тот, что когда китайцы, собравшись с силами, вернулись в 1877 году, они были встречены населением с ликованием, и власть „эмира“ рухнула, как карточный домик.

Поражает настойчивость, с какой китайцы отстаивали на протяжении веков свое право на Восточный Туркестан. Несмотря на огромную дальность расстояния (путь от Пекина до Кашгара и в настоящее время занимает около пяти месяцев), целые китайские армии посылались в случае необходимости к западным границам.

По завоевании в 1877 году обратно Восточного Туркестана, который вошел в состав провинции Синьцзян, китайцы сосредоточили управление им в Урумчи, расположенном в пятидесяти переходах к северо-востоку от Кашгара. Урумчи является головным пунктом важнейшей дороги, проходящей через провинции Ганьсу-Шэньси и связывающей Центральную Азию с Внутренним Китаем, Соединенная только этим един-

ственным путем с остальным Китаем и отделенная от него великой монгольской пустыней, по которой можно странствовать пятьдесят дней, не встретив ни одного человека, провинция Синьцзян осталась в стороне от гражданской войны, охватившей остальной Китай. Революция 1911 года и ослабление власти центрального правительства дали энергичному генерал-губернатору провинции Ян Цзэн-синю возможность стать фактически независимым правителем провинции. Благодаря его энергичным мероприятиям было прекращено разбойничество, столь частое прежде в западных провинциях, и европеец теперь может без помех и с полной безопасностью путешествовать из конца в конец провинции. Население также не терпит таких притеснений, как в других провинциях. Налоги взимаются умеренные при явном преобладании системы косвенного обложения. Конечно, злоупотребления со стороны местных властей существуют, но они не являются общим правилом.

В результате население провинции увеличилось и площадь обрабатываемой земли возросла. Поселенцы на новых землях, как правило, в первые три года освобождаются от поземельного налога и в последующие три платят половину.

В области культурно-просветительной зато никакого прогресса в Кашгарии не замечается. Школ нет никаких, исключая устроенных при мечетях, где муллы учат чтению, письму и закону божью по корану. На печатные и письменные произведения, излагающие текущие события, введена строгая цензура, и прини-

маются все меры против распространения подобной литературы среди мусульманского или китайского населения.

Любимейшим времяпровождением моим и жены были экскурсии. Я убедился, что, несмотря на все трудности сообщения, между Индией и Китайским Туркестаном ведется довольно бойкая торговля по длинной и трудной дороге через Лех. В оазисах Таримского бассейна постоянно или временно проживает значительное число индийских жителей. В одном Яркенде проживает от ста до полутора ста индусских торговцев, большей частью это — представители фирм двух пенджабских городов: Амритсара и Хошарпура. В Янгигиссаре, Каргалыке и в других местах можно всегда встретить менял-ростовщиков из Шикарпура, столь ненавидимых населением. Кроме того, колонии мусульман британских подданных можно встретить почти во всех округах. Одни из них, выходцы из Кашмира и Читрала, занимаются исключительно земледелием, другие (самые зажиточные) ведут торговлю с Индией. Многие из них обзавелись женами-туземками и прочно обосновались в стране, заведя дом и собственное хозяйство. Все они ревниво отстаивают свое право в качестве британских подданных в нужных случаях прибегать к защите консула.хлопот с ними бывает порядочно. Приходится разрешать гражданские споры, возникающие между ними, рассматривать предъявленные к ним китайскими подданными иски, помогать им обжаловать решения китайских судов и вообще всячески ограждать их интересы. Из дел только наиболее важные разрешаются в Кашгаре. В округах провинции

генеральный консул или непосредственно решает спорное дело совместно с представителями китайских властей или через посредство британского агента (аксакала). Так как большинство британских подданных проживает только на расстоянии пяти—двадцати дней пути от Кашгара, то самым действительным и удобным способом было бы объезжать округа, где они проживают, и разрешать все дела на месте. Я так и поступал. Чтобы держать связь с индийскими колониями, я дважды в год предпринимал поездку по двум главным дорогам: Яркенд-Хотан-Керия и Марал-баши-Аксу-Куча, задерживаясь от одного до пятнадцати дней в главном городе округа и делая также заезды в Яркенд. В результате за два с половиной года пребывания в Кашгарии я тринадцать месяцев провел в поездках, проехав вместе с женой около пяти с половиной тысяч километров почти исключительно верхом, при чем наш багаж перевозился в китайских повозках или на вьючных лошадях. Никаких трудностей или неудобств эти поездки не доставляли. Везде почти местные власти и население относились к нам с большой предупредительностью и радушием. Останавливались мы в китайских казенных зданиях, у британских акскалов или в домах отдельных британских подданных, по их просьбе. Нередко от нас даже отказывались брать плату за продовольствие и фураж. Повсеместно почти нас сопровождал конвой, просили мы об этом или нет. В каждом городе, исключая немногих в северных округах, власти нас встречали по дороге, предлагая угощение, устраивали в нашу честь обеды. Такие излиш-

ние знаки внимания скорее склонны были поставить нас в затруднительное положение.

Началась моя повседневная текущая работа, требовавшая от меня менее физического напряжения, чем мои поездки, тем не менее отнимавшая много времени. О разнообразии ее можно судить по тому, что мне приходилось объясняться с своими посетителями и вести текущую переписку на шести языках: английском, китайском, тюркском, персидском, урду и русском, в зависимости от того, какие языки знали обращающиеся в консульство просители.

В штате консульства числилось шесть постоянных служащих. В качестве конвоя при консульстве до 1922 года состоял взвод индийской пехоты под командой офицера. На смену им явилось восемь ординарцев под командой унтер-офицера, набранных из местных жителей и вооруженных саблями и револьверами. К ним надо прибавить посыльных и наших слуг. Общее число лиц, проживавших в ограде консульства, включая и членов их семей, доходило до восьмидесяти. Получалось как бы маленькое поселение, обнесенное оградой, с собственным водопроводом; при каждом доме был свой двор и даже маленький сад.

Служебные телеграммы шли до меня от одиннадцати до девятнадцати дней. Китайская телеграфная линия, соединявшая Пекин с Кашгаром, в расчет идти не могла, так как телеграммы, передаваемые по ней, приходили в искаженном виде и с значительным замедлением, до недели и больше, так что для официальной корреспонденции можно было пользоваться только бли-

жайшей индийской станцией, которая находилась в Мисгаре. Индийское правительство организовало регулярную почту, доставлявшую корреспонденцию из Гильгита в пятнадцать—семнадцать дней, а телеграммы из Мисгара—в одиннадцать—тринадцать дней. Канджутцы перетаскивали почтовые баулы на себе или доставляли на лошадях до Таш-Кургана, откуда консульские курьеры довозили корреспонденцию до самого места назначения. Исключая одну—две недели ранней весной, когда перевалы бывают покрыты снегом и телеграфная линия через Бэрзиль бездействует, почта идет весьма регулярно, и несчастные случаи с курьерами бывают редко.

Корреспонденция из Внутреннего Китая доставлялась по китайской почте. Письмо из Пекина шло до Кашгара два месяца, посылки—пять—шесть месяцев. Наши письма доходили до Керии в десять дней, несмотря на расстояние в 640 километров, из них 240 километров по песчаной пустыне. Дорога от Керии до ближайшей железнодорожной китайской станции, проходящая через Яркенд, Марал-Баши, Хами и провинцию Ганьсу, протяжением свыше 4 800 километров, является самым длинным почтовым трактом в мире. Во главе почты в Синьцзяне во время нашего пребывания в Кашгаре находился итальянец, и вообще всегда этот пост занимают европейцы.

Так называемое „общество“ в Кашгаре составляли китайские военные и чиновники, члены шведской христианской миссии и персонал британского консульства. Из китайских властей нам чаще всего приходилось

иметь дело с местным даоинем или даотаем Чу (представитель генерал-губернатора провинции), его секретарем по иностранным делам, местными судьями, начальником гарнизона Старого города, почтмейстером и начальником монетного двора. Шведская миссия, отрезанная в виду революционных событий в России от родины, численно сильно сократилась и состояла только из двух мужчин и трех женщин. До 1917 года Россия имела в Кашгаре генеральное консульство, при котором находилась сотня казаков и многочисленный штат. Окончательно царское консульство было упразднено в 1920 году¹.

Несмотря на затруднения, вызываемые незнанием языка, официальные и служебные сношения между генеральным консульством с одной стороны и местными властями и туземцами—с другой поддерживались самые оживленные. Нередко устраивались званые обеды, иногда в загородных поместьях богатых местных купцов, куда мы неизменно приглашались. По разным поводам отдавались и официальные визиты, как-то: по случаю приездов и отъездов, в дни национальных праздников и т. п.

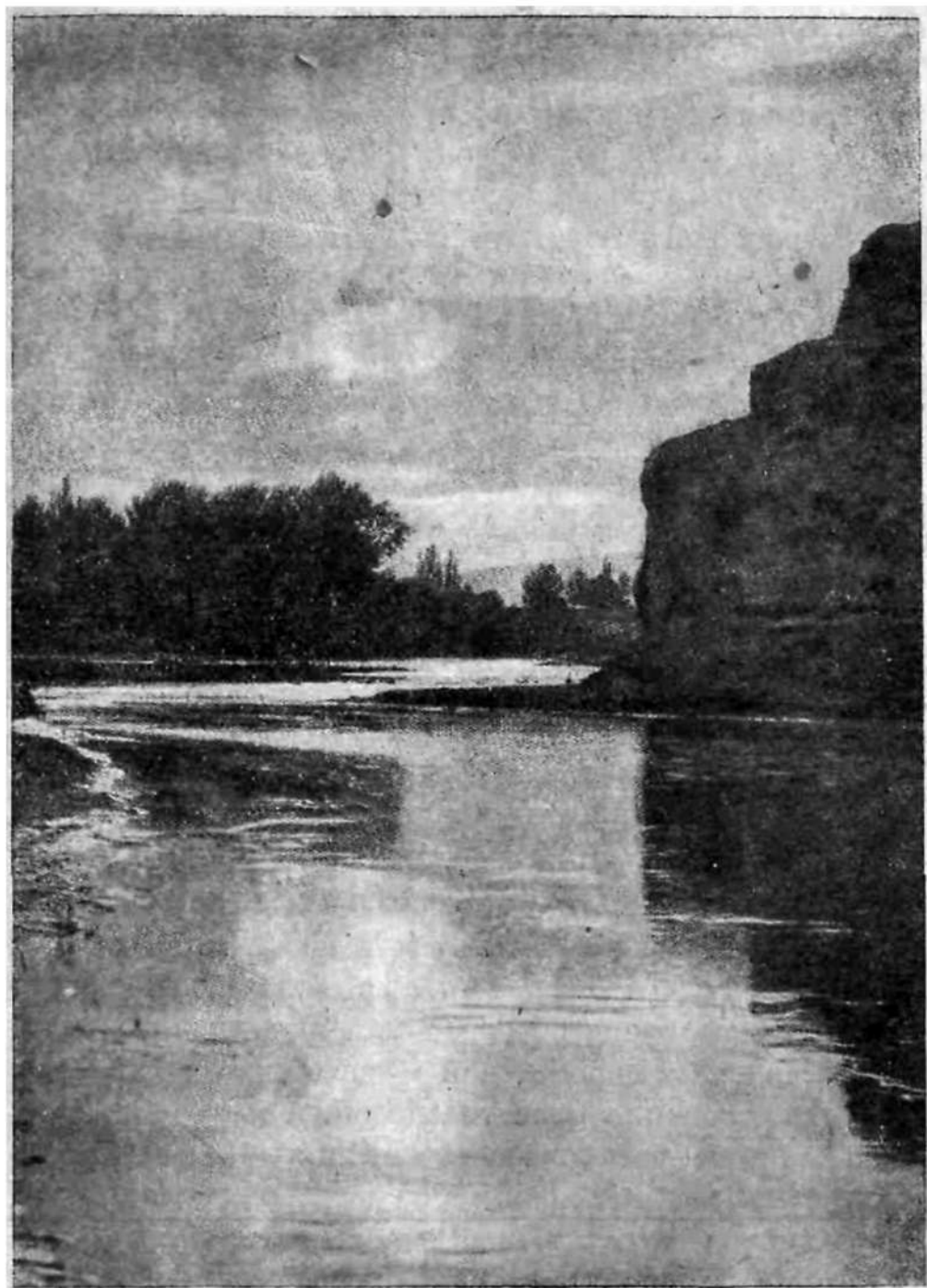
Весной, летом и осенью мы обычно пребывали в разъездах, а зимой находились в Кашгаре, все свободное время уделяя спорту и прогулкам: катались на коньках, ездили на охоту на дальние озера и т. д. В зимнее время лед держался отлично с 20 ноября по 10 февраля.

¹ С осени 1925 г. в Кашгаре существует советское консульство.

Недостатка в дичи для охоты никогда не было. Не только на окрестных озерах, но также на реке Тумени и других речках возле самого города с октября по март можно было найти всегда массу перелетной дикой птицы, уток, гусей и других, направлявшихся из холодных стран севера к озерам Афганистана, Восточной Персии и северо-западной Индии или обратно. В консульстве у себя мы развели целый птичий двор. К сожалению, полудикие бродячие собаки, которых масса в Кашгаре, забирались к нам, перелезая с необыкновенной ловкостью через ограду, и перевели в короткое время всех наших кур.

Климат Кашгара для того, кто любит солнце, не оставляет желать ничего лучшего. За все время нашего пребывания в Кашгаре не было ни одного дня пасмурного; самое большее — солнце иногда скрывалось на какой-нибудь час, обычно же из пяти дней четыре бывали сплошь солнечные. Правда, пыль, носившаяся в воздухе, мешала прозрачности атмосферы.

Что касается дождевых осадков, то количество их весьма незначительное. За год в Кашгаре выпадает 5 сантиметров дождя, не больше. Дожди обычно бывают между мартом и концом июля. Крестьяне скорее боятся излишка дождя. Как-то несколько лет назад крестьяне во время сильной засухи попросили популярного муллу помолиться о ниспослании дождя. Тот с усердием помолился, дождь хлынул потоками и погубил весь урожай. Тогда разгневанные крестьяне обратились с жалобами к местному амбаню, который распорядился наказать муллу кнутом. Во время дождя

Берег реки Тумени в окрестностях Кашгара

и потом, пока земля не обсохнет, выходить из дому не рекомендуется, так как липкая почва весьма затрудняет ходьбу.

Благодаря своему континентальному положению (Китайский Туркестан лежит дальше от моря, чем какая-либо другая страна в мире) климат этой провинции может называться континентальным. Средняя годовая температура Кашгара составляет $+11^{\circ}$ Ц. Наинизшая температура наблюдается в январе, около -18° , наивысшая—в августе, когда она доходит в тени до $+40$, 41° . Благодаря континентальному климату апрель, например, теплее октября.

Зимой почва промерзает на глубину сорока пяти сантиметров, и вся система искусственного орошения в связи с этим между 15 ноября и концом февраля бездействует. Зима однако не кажется суровой, так как солнце светит почти все время и сильные ветры отсутствуют благодаря тому, что с трех сторон Кашгар закрыт высокими горными хребтами. Снега зимой выпадает очень мало, и он быстро тает на солнце. Весной и ранним летом изредка бывают сильные грозы, которые всегда представляются весьма желательными, так как после них воздух очищается от пыли. В июле и августе на некоторое время погода становится весьма жаркой, если мерить на европейский масштаб, но ночи редко бывают душными, разве только перед грозой. Летом бич Кашгара—насекомые, из которых выделяются москиты и песчаные блохи.

Несмотря на отсутствие всяких гигиенических и санитарных мероприятий, несмотря на то, что население

пользуется питьевой водой из небольших рек, оросительных каналов (арыков), а то и прудов, иногда сильно загрязненных, болезни в Кашгарии почти отсутствуют. Из серьезных заразных болезней встречаются тиф, оспа, которые носят характер местной (эндемической) болезни. Случаи заболевания бешенством, несмотря на обилие собак, чрезвычайно редки. Европейцу больше всего может грозить опасность заболевания малярией в легкой форме в сырых местностях, где есть рисовые поля.

Кашгарию вообще можно назвать одной из самых здоровых стран в мире.

ГЛАВА VI

ЦВЕТУЩАЯ КАШГАРИЯ

Какие же страны граничат с Кашгарией? Если мы обратимся к северу, то за Тянь-Шаньским хребтом мы найдем цветущую область Семиречья (Джетысу). К западу от Кашгарии находится Фергана, еще более древняя и не менее богатая, чем Семиречье, область. Культура ислама проникла в Кашгарию из Ферганы. Еще посейчас народные певцы Кашгарии поют о Маргелане („Серебряном городе“) и в былинах их рассказывается о кокандских ханах. Русские до войны довели железную дорогу до Андижана и в течение нескольких лет караванный путь от этого города к перевалу Терек был наиболее удобным из всех, ведущих в Кашгарию. В результате в Кашгаре русское влияние стало заметно усиливаться. Затем торговая связь между Русским Туркестаном и Кашгарией прервалась.

К югу от Ферганы лежит горная область Южной Бухары, другого древнего ханства. Когда-то через Бухару шли караваны из Персии в древний Китай. Андижанская дорога, проложенная русскими, отвлекла караваны с этого пути, но память о Бухаре и Самарканде долго еще жила в населении.

К юго-западу за Памирами лежит Афганистан. Еще южнее высятся горные хребты Дардистана и Балтистана, где мы проезжали, и наконец идет Тибет, подлинная „крыша мира“.

Неосведомленность кашгарцев, поскольку дело касается иностранцев, поразительная. Иностранцы, особенно, афганцы, к которым, впрочем, одинаково причисляют жителей Индии, персов и бухарцев, как и настоящих афганцев, известны под общим именем „музафир“ (путешественники, путники) или „даван-ашти“, то-есть люди, прошедшие через перевалы, потому что дорога между Лехом и Индией известна с давних пор под именем „дороги семи перевалов“. Сведения об Индии и Англии у жителей, за исключением, может быть, жителей Кашгара и Яркенда и нескольких южных оазисов, самые сбивчивые и туманные.

Такая неосведомленность вызывается изолированным положением провинции. Этой же неосведомленностью и невежественностью населения можно объяснить всевозможные нелепые рассказы об опасностях путешествия по некоторым дорогам, где будто на караваны нападают крылатые драконы и пожирают людей и т. д. в этом роде.

В некоторых отношениях Кашгария находится еще в периоде средневековья. Такая организация нищих, как в Яркенде, существовала в VIII столетии в Баг-

Профессионал-нищий в Старом Аксу

даде. Нищие образуют своего рода цех, признанный властями, и старшина этой организации—один из самых богатых людей в Яркенде. Он действует в тесном сотрудничестве с местной полицией, организуя кражи,

при чем добыча делится поровну. Отношение населения к нищим на мусульманском востоке самое доброжелательное. Подача милостыни нищему считается богоугодным делом, даже когда тот не просит. Неудивительно поэтому, что нищенство получило большое развитие. Среди нищих вербуются соглядатаи и тайные сотрудники полиции. Со времени запрещения разведения опиума в Кашгарии и ввоза его из-за границы в широких размерах развилась контрабандная торговля опиумом, который идет главным образом через афганскую границу. Обычно полиция через шпионов-нищих заблаговременно узнает о прибывших партиях опиума, устраивает засады и потом за приличную взятку отпускает контрабандистов с товаром на свободу.

Кашгарию поистине можно назвать страной плодородия и изобилия. По осени базары бывают буквально завалены разными продуктами сельского хозяйства. Целыми горами лежат мешки с кукурузой, рисом, пшеном и просом. Тут же груды огородных овощей и фруктов всякого рода. Персики падают с прилавков, и уличные мальчишки не дают себе труда поднять их. Бойкая торговля фруктами идет и вразнос. Даже за городом постоянно можно встретить разносчиков с фруктами.

Стоимость жизни для европейца в Кашгаре поражает своей дешевизной. В соответствии с этим и жалованье служебному персоналу платится низкое. Своему повару мы платили тринадцать рублей в месяц, а помощнику его — меньше восьми рублей.

Вот стоимость некоторых продуктов на базаре в Кашгаре: баранина—20 копеек кило, яйца—8 копеек

Базар в Кашгаре

дюжина, утка 30 копеек, молоко—8 копеек литр, пшеничная мука и рис—5 копеек кило, кочан капусты—4 копейки, картофель и томаты—20 копеек кило, абрикосы и персики—6 копеек кило, виноград—12 копеек кило, сушеные фрукты (абрикосы, персики, изюм)—10 копеек кило, дикие утки, фазаны—по 25 копеек.

Свежую рыбу нам доставляли рыбаки по 40 копеек кило. Ловилась она в реке Тумени и в каналах.

Одним из вкуснейших плодов Кашгарии считается дыня, известная под названием Бешек-Ширин, по форме напоминающая канталупу, но в два раза больше ее. Мясо ее—белое или бледно-желтого цвета. В зрелом состоянии ее кожица делается до того тонкой, что пропускает сок. Достигает она веса семи кило и больше и продается на базарах не дороже 12 копеек штука. Дыни этого сорта отвозились прежде ежегодно в подарок китайскому императору.

Что касается фруктов, в Кашгарии произрастают все, какие есть в Центральной Европе: фиги, виноград, персики, ренклоды, айва, гранаты. Некоторые, как, например, фиги и виноградную лозу приходится на зиму укрывать. Не было недостатка и в ягодах: клубники, крыжовника, вишни мы имели всегда в изобилии.

Одним из самых гостеприимных хозяев и интересных собеседников был доатай Чу, даоинь Кашгарского округа, образованного в 1922 году. Чу, впрочем, был переведен скоро в Яркенд.

Я живо помню один из первых званных обедов у даоиня. Прежде всего за нами была выслана коляска, в которой мы в сопровождении двух конных ординар-

цев и четырех китайцев-конвойных помчались по улицам города, чуть не опрокидывая прилавки торговцев. Наконец мы подъехали к глинобитным воротам, над которыми висел пятицветный флаг Китайской республики.

Кашгар. Ловля рыбы в арыке

Когда мы прошли в ограду ямыня, мы были встречены звуками несложного оркестра, состоявшего из дудок и барабанов, и громкими возгласами „пао“ (привет) нашего конвоя, за которыми последовали три оглушительных удара барабана. Затем мы прошли мимо почетного караула в мешкообразной синей форме, отдавшего нам честь. Навстречу нам вышел дворецкий, низко склонившийся перед нами. В руках он держал

наши огромные визитные карточки на бумаге красного цвета, переданные нами раньше. Седобородые беки в кафтанах провели нас через внутренние ворота в красивый сад с массой фруктовых деревьев и цветов, где находились три пруда с цветущими розовыми лотосами. В середине сада возвышалась платформа под крышей, напоминавшей крышу пагоды. На платформе были расставлены столы с фруктами и сладостями всякого рода. Сзади платформы находилась деревянная расписная беседка с верандой над прудом. Хозяин и его секретарь по иностранным делам встретили нас у ворот и после продолжительного обмена любезностями провели в беседку, где уже были собраны другие гости, включая китайских должностных лиц и представителей иностранных колоний. В течение полутора часа мы находились в беседке, проводя время в разговорах и угощаясь чаем и фруктами. Для обеда мы перешли на веранду, украшенную растениями в горшках и китайской живописью.

Даоинь всегда считался с европейскими вкусами гостей, и потому обед был далеко не столь обильным, как обычно бывает на парадных обедах у китайцев. Он состоял всего только из двадцати пяти перемен блюд. Вместо обычных палочек на столе на европейский лад лежали ножи, вилки и ложки.

Среди блюд преобладали мясные в разных видах — баранина, телятина, свинина — и сладкие. Из необычных для европейского вкуса блюд тут были акульи плавники, ростки бамбука, семена лотоса в сиропе, суп из трепангов, суп из морской капусты. Помимо того,

было много добавочных закусок, включая ломтики совершенно позеленевших яиц, которых долгое время держали зарытыми в земле. Начался и закончился обед чаем и десертом.

Блюда как китайские, так и европейские мне очень понравились, за исключением трех из них, излюбленных, впрочем, китайцами. Это были акульи плавники, представлявшие безвкусную эластичную массу в виде студенистого вещества темно-серого цвета и неприятного запаха, и бамбуковые ростки, совершенно не перевариваемые для европейского желудка. Другим деликатесом была морская капуста, которая пахла водорослями.

Большим испытанием на официальных обедах являлись для нас спиртные напитки. Обычно на них подавалась водка местного изделия с неприятным запахом, которую из вежливости по глотку приходилось отвеживать каждый раз при перемене блюд. Зато никаких особенных стеснений для гостей за столом не существовало: можно было свободно облокотиться на свое сиденье, встать из-за стола и пройтись и т. д.

Мне пришлось присутствовать в течение первой недели пребывания в Кашгаре еще на другом официальном завтраке, совершенно не похожем на описанный мною, который был дан генералом Ма, титом кашгарской армии, человеком очень неприятных личных качеств.

Ему было за семьдесят лет, но он был полон здоровья и сил и, занимая в течение семи — восьми лет пост командующего войсками, использовал выгоды своего положения для бесчестного обогащения за счет мирного населения путем самых жестоких и бесчело-

вечных средств. Он заставлял под страхом казни именовать себя падишахом. В Кашгаре у себя он завел целый гарем красавиц-тюрчанок. Единственно, кого он боялся, это даотая Чу. После перевода последнего его притеснения и вымогательства усилились. Он придумал для пытки особого рода машину, в роде соломорезки, и тем, кто отказывался дать ему взятку, палач по его приказанию отрезал машиной по суставу палец за пальцем на руках и ногах, пока пытаемый не соглашался выплатить все, что от него требовали.

Штаб титая находился в Новом или Китайском городе, в десяти километрах от Старого города. У стен города нас встретил небольшой отряд неопрятно одетых, недисциплинированных кавалеристов. Они сопровождали нас по грязному базару под сумрачными взглядами прохожих до главной цитадели. За воротами ее мы проехали еще ряд улиц, храмов и зданий, частью полуразрушенных, частью хорошо сохранившихся, расписанных живописью и украшенных символическими деревянными фигурами птиц и зверей. Наконец мы подъехали к самому ямыню титая и очутились на просторной площади с большой аркой по середине и огромными фигурами драконов по бокам. Солдаты на площади отдали обычные почести, прогремел пушечный салют, и солдаты удалились. Пройдя ворота, мы попали во внутренний двор, где нас встретил маленький, похожий на обезьяну, седой старик с свирепым выражением лица, в пышной форме китайского маршала, скорее напоминавшей опереточную. Это и был титай.

Когда нас пригласили за стол, я увидел, что он был сервирован так же, как в ямыне даотая Чу; очевидно, сервировка была сделана по указанию последнего. Далее всякое сходство прекращалось. Прежде всего наш хозяин снял с себя в присутствии всех свой пышный мундир под предлогом, что ему жарко, и очутился в легком костюме из голубой шелковой материи. Затем он палочкой стал накладывать нам на тарелки какую-то мешанину из стоявшего по середине стола блюда. После того он распорядился подать нам вина и, предложив мне бокал; заявил, что это лучшее вино в Китае и настоено на разных веществах, счетом семьдесят одно, в число которых входили истертые в порошок мясо каракатицы и когти тигра. По запаху, может быть, это и было так, но по вкусу напиток этот скорее напоминал водку, а не вино. Затем последовали акульи плавники и прочие деликатесы, после чего на стол было подано блюдо с целым зажаренным бараном, которого титай собственноручно стал разрезывать, отрывая левой рукой куски мяса и раздавая нам. Скоро титай захмелел, предложил мне дружбу с ним, понес всякую чепуху в роде того, что его просят стать генерал-губернатором провинции и т. п. Я поспешил откланяться и удалился.

Через неделю после того я устроил у себя прием в консульстве и пригласил даотая и титая.

Даотай, приехавший на паре лошадей, был с небольшой свитой, зато второй принеся галопом на тройке, сопровождаемый сотней вооруженных до зубов солдат и собственным духовым оркестром, который успел

несколько опередить его, чтобы грянуть на дворе торжественную встречу.

Старик, бывший опять в форме китайского маршала, попросил меня снять с него фотографию, чтобы послать ее президенту республики. Затем он попросил также разрешения измерить ограду консульства. Оказалось, что его загородный дом сгорел, и он хотел построить новый, взяв за образец расположение нашего консульства.

За столом, когда титай сел, ему слуги подали захваченную им с собой водку; других напитков он не признавал. Скоро он основательно выпил, но долго не задержался и удалился затем так же быстро и с такими же церемониями, как и приехал.

Бывали в гостях мы также в шведской и русской колониях.

ГЛАВА VII

ПО ДОРОГЕ К ЯРКЕНДУ

11 октября 1922 года мы предприняли поездку к юго-востоку от Кашгара, которая продолжалась два с половиной месяца, по так называемой Хотанской дороге, вдоль которой проживало небольшое число британских подданных в Кашгарии.

Первой целью нашего пути был город Яркенд, самый крупный город Синьцзянской провинции и центр торговли с Индией и Афганистаном. Затем нам предстояло объехать другие городские центры: Каргалык, Хотан, Гуму и Керию, где накопилось много судебных

и разных консульских дел. Самым дальним пунктом был город Керия в 660 километрах от Кашгара.

Прямой дорогой до Яркенда (202 километра от Кашгара) было пять дней пути. Но я задумал предпринять сначала небольшую экспедицию в горы Кашгарского хребта, расположенные к югу от Кашгара, намереваясь исследовать восточные склоны Кунгурского массива и расположенные непосредственно к юго-востоку высоты, чтобы заполнить пробел на существующих картах. Для этого нужно было предварительно пройти ущелье реки Караташ. Я рассчитывал добраться до реки Чимгана, главного притока реки Караташа, и произвести разведку восточного склона Большого Кунгурского массива, как равно и загадочного хребта Шевакты к юго-востоку от него. К 26 октября я должен был находиться в Яркенде.

За один таэль в день (около 1 руб. 30 коп.) я нанял семь косматых двугорбых верблюдов при одном погонщике. Отправились мы в путь со всеми удобствами, захватив повара и других слуг. Везли мы с собой палатки, походные постели с матрацами, походную деревянную ванну, обитую жестью, обеденный стол, всевозможную кухонную посуду, ружья, землемерные инструменты и т. д., включая десятидневный рацион хлеба и фуража для верблюдов. Вся наша партия состояла из десяти человек.

Первая наша остановка была в Япчане, на главной Яркендской дороге, откуда мы свернули к югу, к горам. В Ахтыр-Базаре мы впервые переправились через реку Кара-Таш, в этом месте широкую и мелкую. Отсюда

наш путь восемь километров шел по возделанной, немного лесистой местности, а затем по песчаной пустыне из гравия, нанесенного рекой. Пройдя еще одиннадцать километров, мы достигли начала оазиса Алтынлык („золотой“), где река Кара-Таш вытекает из предгорий. Дальнейшее наше продвижение заняло девять дней.

14 октября мы без всяких затруднений прошли за день тридцать пять километров по долине Кара-Таша.

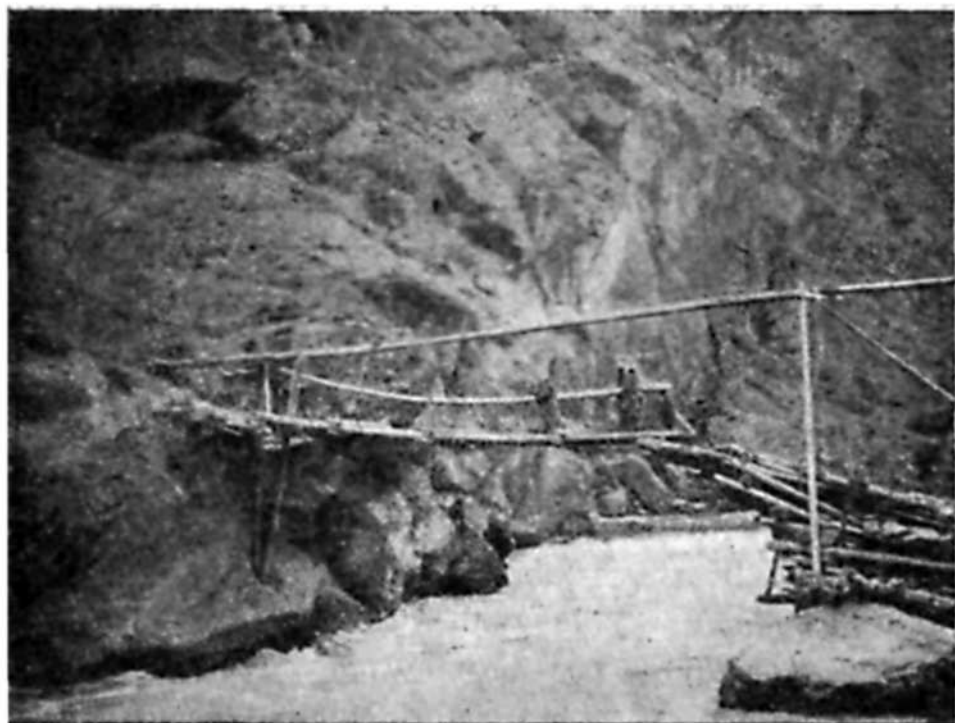
На другой день, продолжая свой путь по долине, мы несколько раз переправлялись через реку. В одном месте мы заметили каменноугольные ломки: уголь выбирался прямо с поверхности, работой было занято не более двенадцати человек.

Ночевали мы в Баш-Купрюк на высоте 2 100 метров.

В последующие дни я произвел разведку в долине Кайинг-Джилга (джилга — долина), спускающейся с западной стороны в Караташское ущелье. Мы проехали по ней до высоты 3 850 метров, затем принялись за обследование долины. Поднявшись по ней, мы обнаружили великолепный хвойный лес, выше которого шли летние пастбища киргизов (яйлаки). Своих верблюдов мы по более удобной дороге отослали в Хантерек (в Караташской долине), а сами продолжали путь кверху. С удобных пунктов я непрерывно производил инструментальные съемки и делал фотографические снимки, при чем мне удалось наконец увидеть и снять фотографию восточных склонов Кунгурского хребта ¹.

¹ На русских картах хребет Музтаг-Ата.

Встретившиеся киргизы помогли нам своими указаниями разыскать перевал, соединяющий долину Кайинг-Джилга с долиной Чопкана-Джилга. Сначала они отне-

Мост через горную речку, устроенный киргизами

слись к нам с недоверием и боязнью, даже пытались скрыться, затем успокоились и остальное время были весьма внимательны и предупредительны, предлагая нам разные припасы и свои палатки для отдыха. Вообще мы нашли этот народ очень гостеприимным, жизнерадостным и совершенно не тронутым культурой — настоящие дети природы.

По дороге мы охотились и, кроме зайцев, убили несколько горных куропаток.

Из Чопкана-Джилга мы уж легко добрались до Хантерека.

Заключительный наш маршрут был Кзыл-Базар (уже на главной дороге) и Кук-Рабат, в 35 километрах от Яркенда.

ГЛАВА VIII

ЯРКЕНД, ХОТАН И КЕРИЯ

28 октября мы прибыли в Яркенд. Встреча нам была устроена самая торжественная. В пяти километрах от города нас ожидала большая толпа, человек сто британских подданных, представителей тринадцати или четырнадцати народностей. Тут были индусы, афганцы, пенджабцы и даже один армянин. Нам было предложено неизменное угощение — чай и фрукты. В числе присутствовавших находился британский аксакал. После обмена речами и чаепития вся процессия, кто в экипаже, кто верхом на лошади или осле, медленно двинулась к городу. Первое, на что мы обратили внимание, была толпа нищих в остроконечных шапках с меховой оторочкой, в невероятно грязных лохмотьях, кричавшая: „Падеша, закат!“ (милостыню, о падишах!) Нищие бросали китайские шутихи, что привело в беспокойство лошадей. Затем по обычному церемониалу мы были встречены отрядом пехоты и кавалерии с музыкой и представителями гражданских и военных властей города.

В последующие дни я знакомился с городом. Яркенд много больше Кашгара, но он не так выгодно расположен, как последний. Построен он на совершенно ровной местности, реки никакой в нем нет. Снаружи город обнесен крепкой стеной, лучше сохранившейся в новом городе. Внутри города поражают большие крытые базары, людные улицы, живописные типы. Особенно много в Яркенде нищих, худых и оборванных. С июня по октябрь в Яркенде очень жарко, и пребывание в нем нездорово. Одрывают мухи и москиты и распространена малярия (правда, в слабой степени). Обращает внимание обилие зобатых: каждый четвертый встречный—с зобом. Без сомнения, болезнь эта вызвана отсутствием доброкачественной питьевой воды. Близко от города протекают с гор две больших реки, но до сих пор не было сделано никаких попыток провести к городу каналы, и население довольствуется водой из прудов, разбросанных по всему городу, которые наполняются во время половодья, т. е. раз в год водой из реки Яркенд-Дарьи.

Местность вокруг Яркенда довольно красивая, хотя представляет совершенно плоскую равнину, изрезанную реками. Дома крестьян, мельницы, надгробные мавзолеи над могилами святых, базарные помещения—все крепко, прочно и солидно построено из дерева. Своими деревянными постройками, широкими полями, наполненными водой каналами, обилием всякого скота и домашней птицы и розовощекими ребятишками страна производит впечатление своего рода азиатской Голландии.

Племенной состав населения—самый разнообразный. Кроме туземцев и китайцев, в Яркенде можно встретить представителей всевозможных народностей соприкасающихся с Кашгарией стран: выходцев и торговцев из Советского Туркестана, Афганистана, Индии и Тибета. Главную массу населения образуют тюрки (узбеки). Китайцев сравнительно мало, они занимают различные административные должности или ведут торговлю. Китайскими подданными состоят также дунгане, занимающиеся большей частью торговлей, киргизы, таджики и долоны.

11 ноября мы выехали из Яркенда в Хотан. Наш караван теперь состоял из тарантаса и четырех китайских экипажей, запряженных каждый парой лошадей, к которым мы, когда дорога становилась тяжелой, припрягали еще лошадей за дополнительную плату около пятидесяти копеек в день. Пароконный экипаж до Хотана стоил около тридцати рублей.

Дорога шла по равнинной местности. В нескольких километрах от Яркенда мы подъехали к реке Яркенд-Дарья, которая в нижнем своем течении носит название Тарим-Дарья. Река эта, берущая свое начало на главном хребте Каракорума, течет много сотен километров по пустыне Такла-Макан и впадает в озеро Лоб-Нор, представляющее последний остаток прежнего великого моря Центральной Азии. В ноябре рукава ее можно переезжать в брод на лошади, летом для переправы служат паромы.

Ближайшим этапом нашего пути был Каргалык, где меня опять встретили с воинскими почестями два кав-

лерийских эскадрона, каждый со своим собственным оркестром и многочисленными знаменами. Амбань в Каргалыке по происхождению — маньчжур, единственный маньчжур, которого мы встретили в Кашгарии.

Народный рассказчик в Каргалыке

К нашему удивлению, на обеде, который дал в нашу честь амбань, присутствовали три женщины-китайки, включая жену хозяина. Некоторое время они были очень сдержанны и, видимо, стеснялись, но постепенно привыкли и вступили в общий разговор.

Гума, где мы остановились после Каргалыка — маленький город, весь в садах и рощах из тутовых

деревьев. Деревья эти положили основание местной промышленности, ведущей начало с древних времен, заключающейся в приготовлении грубой бумаги из луба коры шелковицы. Другой знак связи с прошлым я наблюдал в местном ямыне, когда увидел человека с толстой деревянной доской на шее. Этот древний обычай расправы с неисправными должниками, официально повсеместно отмененный, также и в Китайском Туркестане, здесь еще удержался. Вес доски иногда бывает от девяти до двадцати семи килограммов, даже больше. С такой доской на шее должник сидит и ходит в пределах ограды ямыня, пока не заплатит долга. Кормят его родственники.

Гума находится уже на краю пустыни Такла-Макан. За городом все чаще и чаще начинают встречаться пески, и деревни имеют вид подлинных оазисов среди пустыни. Нам даже попала деревня, дома которой, за исключением двух—трех, были засыпаны песком и брошены их владельцами. Лёсс, из которого здесь состоит местами почва, плодороден, когда бывает смочен влагой, но легче и светлее, чем в Кашгаре. Климат здесь теплый, жилые и хозяйственные постройки—глинобитные, население—подвижное и живое, как свойственно южанам. Жители южных оазисов—большие любители голубей и устраивают для них специальные голубятни. Голубей здесь масса.

Хотан—небольшой торговый город. Сначала приезжий попадает в Новый или китайский город, в форме квадрата, каждая сторона которого равна 750 метрам. Город обнесен крепкой стеной с китайскими пагодами

на ней. Внутри стен расположены ямыни чиновников, казармы, склады и несколько улиц с лавками. Затем через ворота в стене открывается проход на главный базар Старого города, где мы и остановились в одном из домов. В ямыне нам был предложен обед, на котором присутствовали и женщины, жены китайских должностных лиц, сидевшие, впрочем, за отдельным столом. Во время обеда было устроено представление китайского театра, которое длилось в течение всего обеда (четыре часа). К вечеру мы стали очень мерзнуть. Китайцы, повидимому, благодаря их приспособленным к климату костюмам не чувствительны к холоду.

От Хотана до Керии—165 километров (четыре дня пути). Поездка эта носила для меня деловой характер. В виду песчаного характера местности решено было отказаться от экипажей и ехать верхом.

Первую ночь мы провели на постоялом дворе среди песчаных дюн пустыни. Следующая остановка была в маленьком городке Чире. Здесь на полдороге к Хотану нас встретил местный британский аксакал, пожилой афганец, у которого жена была туземка.

На другой день близ Домоко мы встретили толпу народа, развлекавшуюся травлей собак и разбежавшуюся при появлении неизвестных иностранцев. Лишь с трудом удалось их успокоить.

На пути после Домоко нам удалось увидеть два высоких пика Золотых гор высотой 6 300 метров каждый, в сто километрах от нас поднимавшихся над пустыней. На другое утро пыльная мгла скрыла их.

Особенностью этого района является жесткая трава, покрывающая на сотни километров поверхность. Так как дождь здесь выпадает очень редко, то присутствие травы можно объяснить лишь наличием подпочвенной воды, просачивающейся из отдаленного Куэн-Луня. Присутствию этой воды обязаны своим существованием и оазисы, расположенные вдоль дороги к Керии.

Керия образует крайний пункт Кашгарии в восточном направлении. Далее на 1 400 километров к востоку до ближайшего города Дунь-Хуана (Са-чжоу) в смежной китайской провинции Ганьсу тянется пустыня. На всем протяжении этого пути имеется только три незначительных поселения: Ния, Черчен и Чархалык. Караваны по этой дороге идут только зимой, когда можно взять с собой запас воды в замороженном состоянии в виде кусков льда для перехода через страшную пустыню Лоб, которая тянется на 720 километров между Чархалыком и Дунь-Хуаном. Раз в два в течение года верблюжьи караваны провозят по этой дороге шелка, чай и фарфор из Китая в Хотан и Яркенд, а обратно везут в Китай хотанские ковры, изделия из нефрита и кашгарские бумажные ткани. В общем однако можно сказать, что регулярная торговля прекращается в Керии.

Останавливались мы в комфортабельном помещении аксакала. Население города толпами стекалось смотреть на нас. Очевидно, иностранцы тут редкие гости.

В обратный путь мы пустились 5 декабря и 27 прибыли в Кашгар. В виду служебных дел времени для побочных экскурсий нам осталось мало, и мы едва

имели возможность осмотреть древние развалины близ Домоко и Йоткана, древней столицы Хотана.

Останавливались мы в пути в частных или казенных китайских домах, устроенных для ночлега чиновников,

Китайский постоялый двор

и содержимых довольно чисто, хотя пыльных и без мебели. Местные же постоялые дворы (лянгеры) были очень грязны. Лянгер представляет собой ряд помещений, обнесенных оградой с воротами китайского стиля. По трем сторонам двора находятся службы: помещения для слуг, кухня, конюшни. Против ворот расположено главное помещение, состоящее из трех—пяти проходных

комнат; все, за исключением средней—с печами. Окна не застеклены, а заделаны решетками и заклеены белой бумагой, приготовленной из коры шелковицы.

На обратном пути из Яркенда различные дела надолго задержали мое возвращение. Через реку Яркенд нам пришлось переправляться на пароме в виду того, что вода значительно прибыла.

ГЛАВА IX

ПУСТЫНЯ, РЕКИ И ГОРЫ

В конце февраля стало таять, а в марте уже распустились деревья, запели птицы, и 21 марта мы предприняли свою первую в году продолжительную поездку в Меркет, к югу-востоку от Кашгара. Сначала мы ехали по густо заселенной местности, среди возделанных полей, но уже на второй день по мере приближения к пустыне Такла-Макан местность начала становиться засушливее и безлюднее. Переночевав в маленькой деревушке Тарим-Базар, где находится могила чтимой в Кашгаре мусульманской святой, мы на другой день пересекли узкую полосу пустыни Такла-Макан в сорок километров шириной и подъехали к реке Яркенд, через которую на следующее утро переправились на пароме.

Меркет, находящийся в центре обширного оазиса—бойкое торговое местечко, расположенное с подветренной стороны песчаных холмов, увенчанных надгробными мавзолеями. Население его составляет народ неизвестного происхождения, долоны. Некоторые иссле-

дователи считают их родственными киргизам, от которых они, на мой взгляд, отличаются внешностью, сложением, складом ума и привычками. Женщины у них, как у кочевых киргизов, пользуются полной свободой, ходят с открытыми лицами и наравне с мужчинами принимают участие в увеселениях, но зато большинство тяжелых работ выпадает также на долю их. Нам приходилось видеть их занятыми на полевых работах и в кузнице. Но если в других местах при нашем проезде среди толпы глазевших на нас зевак обычно преобладали женщины и дети, здесь в Меркете при выходе из дома, где мы остановились, я в поджидавшей нас толпе зрителей заметил только одну женщину среди семидесяти мужчин.

Уровнем жизни и моральными качествами долоны отличаются невыгодным образом от своих ближайших соседей—тюрков. Среди них в большом ходу кражи, свидетельство чему—обилие сторожевых собак. Они мстительны и сварливы—полный контраст в этом отношении с добродушными тюрками. В стремлении причинить зло своему врагу долоны не останавливаются ни перед какими средствами. Обычная угроза долона лицу, с которым у него ссора—убить его ребенка или покончить с собой, чтобы навлечь этим на врага несчастье. Нередко подобная угроза приводится в исполнение. Курьезно, что китайцы считаются с такими взглядами и оправдывают поступок убийцы или самоубийцы, доказывая, что человек не пошел бы на такой шаг, если бы не был сильно обижен.

По одному делу об отцеубийстве (британский подданный был убит своим сыном) я вынужден был срочно

выехать в Яркенд. Проезжая правым берегом Яркенд-Дарьи, я был поражен тем, какая масса водяной птицы гнездилась на реке в камышах: тут были утки, гуси, журавли, чайки, кормораны и другие. Культурно-посевная площадь яркендского оазиса благодаря оросительным работам последних двадцати лет, предпринятым по распоряжению местного амбана, значительно увеличилась и население оазиса возросло.

Закончив свои дела в Яркенде ранее, чем рассчитывал, я собрался обратно в Кашгар. Выбрал я себе другую дорогу, через Караташское ущелье, для чего нужно было свернуть в сторону к юго-западу с дороги Яркенд—Кашгар.

Отправившись в путь 2 апреля, мы на другой день въехали в горную долину Чимган-Джилга, которая от Красных гор (Кзыл-Таг) тянется до Кзыл-Базара на Яркенд-Кашгарской дороге. Поднявшись кверху по долине, мы обнаружили небольшое поселение оседлых киргизов. Обращали внимание их дома, сложенные из грубо обтесанных камней. Жили эти киргизы очень бедно. Поля их в виде небольших возделанных клочков земли, расположенных террасами по горным склонам, дают ничтожный урожай, а отсутствие пастбищ позволяет держать в хозяйстве лишь немного коз и овец. В этот день мы поднялись до высоты 2 100 метров.

На другой день мы прошли не более пятнадцати километров. Попавшиеся нам навстречу киргизы подошли к нам без всякого страха. Женщины также не чувствовали никакой робости и, обступив мою жену, попросили поудрить их, что та и сделала к великому их удовольствию.

Яки с грузом в горах

Поднимаясь выше и выше и перебираясь из одной долины в другую, мы везде встречали небольшие киргизские поселения, состоявшие из каменных домов, и небольшие возделанные поля, засеянные главным образом ячменем. Пашут здесь на быках, лошадях и яках. Попадался и строевой лес высокого качества.

8 апреля мы пересекли самый высокий перевал Кзыл-Тага Сарай-даван, расположенный на высоте 3 450 метров, нетрудный для подъема, и, спустившись с него, очутились на дороге Таш-Курган — Кашгар, по которой ехали в июле прошлого года.

По дороге я убил несколько красных куропаток, по-тюркски „кеклик“ (название, данное от крика их: „кик-алик“). Несмотря на неблагоприятное время года, я заметил несколько стаяк куропаток, особенно много должно их быть здесь осенью.

Дальнейший наш путь лежал к Кизмакскому перевалу, через который можно было проникнуть в верхнюю часть Караташской долины. Вблизи перевала на отвесной площадке на высоте 3 300 метров мы увидели палатки киргизов, разбитые под скалистыми выступами из красного песчаника, вокруг которых толпились взрослые и дети. Тут же собран был и скот. Жена принялась обходить палатки, оказывая женщинам несложную медицинскую помощь, промывая глаза, перевязывая раны и давая разные лекарства, преимущественно от желудочных болезней.

Подъем на Кизмакский перевал, расположенный на высоте 4 200 метров, оказался чрезвычайно крутым, тем не менее яки, которых мы наняли у киргизов, уве-

ренно втащили наверх наш багаж и спокойно спустились по не менее крутому склону по другую сторону перевала. С перевала открывался чудный вид на Верх-

Прием гостей в киргизской кибитке

ний и Средний Караташ. Мы провели тут два часа. Другие горы были закрыты облаками.

Спустившись с перевала, мы прошли Караташской долиной до Чата, где встретили свой караван, посланный обходным путем. Продолжая путь по долине, все более суживавшейся, мы на расстоянии десяти километров вынуждены были семь раз переправляться через

реку Караташ. По пути нам пришлось попасть на киргизскую свадьбу. На празднество собралось человек пятьдесят киргизов и прибывали все новые гости. Сами новобрачные, по принятому обычаю, на празднестве не присутствовали, находясь в своих палатках. Невесте было лет двадцать пять, она выходила замуж вторично. Ее новый муж был двоюродный брат первого ее мужа. По обычаю, на вдове женится ближайший родственник мужа.

С трудом нас отпустили гостеприимные киргизы. Продолжая путь далее, мы дошли до слияния реки Караташа с рекою Чимган, после чего продолжали путь по ущелью реки Караташа, которую предстояло перейти тридцать один раз в брод, пока выберемся на равнину у Алтынлыка.

Перейдя последний из четырех рукавов реки Чимган, мы вступили в Караташское ущелье. С обеих сторон поднимались горы высотой до 3000 метров, причем местами были видны спускавшиеся с них ледники. Река крутыми извилами неслась среди каменных стен, а высоко над нею проходила тропа шириною всего в полметра. В некоторых местах тропа прерывалась, и здесь с выступа на выступ скалы были перекинuty свежесрубленные деревья. При переправах в брод приходилось снимать часть грузов с лошадей и вследствие этого мы в течение двух часов едва могли пройти полтора километра.

Постепенно ущелье стало шире, и за Саманом путь по Караташу и до выхода на главную дорогу не представлял уже никаких трудностей.

ГЛАВА X

СЛУЧАЙ С УБИЙСТВОМ МАГОМЕТАНИНА

В начале лета в Кашгаре небо по утрам бывает кристально чистым, лишь к полудню набегают одиночные облака. Отсюда однако не следует, что погода все время держится прекрасная. Не проходит недели—двух, как в воздухе начинает ощущаться духота, атмосфера становится тяжелой, и вдруг разражается песчаный буран, за которым следует дождь. Небо принимает бледно-коричневый оттенок, сильный ветер засыпает глаза мельчайшей пылью. Такой буран длится несколько часов, иногда день и заканчивается теплым дождем, который в течение часа—двух очищает совершенно атмосферу. Особенной силой бураны в Кашгарии, впрочем, не отличаются.

Летом в Кашгаре глаз поражает богатство и пестрота красок, настоящая мозаика цветов. Это относится не только к краскам, наблюдаемым в природе, представляющим сочетание зеленого, голубого и желтого цветов, но также к разноцветным одеяниям населения. Впечатление это особенно усиливается по праздникам, когда мужчины, женщины и дети в своих новых костюмах самых ярких цветов наполняют базары и улицы Кашгара.

С наступлением жарких дней, когда даже по ночам становится душно, китайские чиновники, иностранцы и все, кто имеет возможность, перебираются из города на дачи или в свои загородные поместья. Решил выехать из города и я, но цель моя осталась прежняя—

пробраться в Кайинг-Джилгу, названную мною „Счастливой долиной“, через Хантерек на Караташе.

19 июня мы прибыли в Япчан, а на следующий день в Янги-Гиссар. Здесь мне предстояло совместно с китайским участковым судьей решить дело об убийстве одним киргизом с Кыл-Тага индийского уроженца из Читрала, который являлся британским подданным.

Обстоятельства дела были следующие. В феврале 1923 года я получил сообщение от заместителя британского политического агента в Читрале в северо-западной пограничной провинции с приложением прошения родственников некоего Мухамеда Шаха, в котором те заявляли, что названный Мухамед Шах, торговец из Читрала, в декабре прошлого года выехал из Янги-Гиссара в провинции Синьцзян на родину и с тех пор пропал без вести. Я обратился к даоиню с просьбой произвести необходимые розыски и в мае месяце получил от него сообщение, что, как удалось установить китайским властям, Мухамед Шах был убит в двух переходах от Янги-Гиссара в довольно глухом месте на ташкурганской дороге и что убийца его арестован и будет судиться в Янги-Гиссаре. Так как убитый был британский подданный, то дело об его убийстве подлежало рассмотрению китайского суда в моем присутствии в качестве британского генерального консула.

Согласно китайской судебной процедуре, судья округа, где произошло убийство, считается ответственным за такое нарушение закона и порядка, и это навлекает на него взыскание в большей или меньшей сте-

пени, в зависимости от того, как далеко место преступления находится от места его постоянного пребывания. Затем, в случае получения сообщения об убийстве, он должен немедленно отправиться на место преступ-

Кашгарские дети в праздничных нарядах.

ления, осмотреть труп, независимо от того, как давно он пролежал, и самолично произвести расследование. Понятно, тучным, отяжелевшим мандаринам совсем не улыбались такие поездки, и вот случалось, что если труп будет обнаружен вблизи границы, разделяющей два судебных участка, то власти стремились перенести его украдкой на территорию соседнего судебного участка. Там, в свою очередь, поступали подобным же образом; и так дело продолжалось до тех пор, пока не

вступались родственники. С другой стороны, подобная система заставляла властей принимать все меры к тому, чтобы сделать движение по дорогам безопасным, и действительно, за два с половиной года пребывания моего в Кашгаре произошёл только один упомянутый случай убийства на большой дороге, хотя за это время по дорогам проехали многие сотни торговцев и других лиц, нередко с деньгами и ценными товарами.

Я условился с даоинем, что дело будет разбираться не в Кашгаре, а в Янги-Гиссаре, куда прибыл также и китайский судья Чанг. Разбирательство было короткое. Подсудимый (киргиз Якуб) сознался в преступлении, и оставалось только допросить местного бека (уездного старшину) и юзбаши (старшину долины).

По словам подсудимого, дело происходило так. Убитый Мухамед Шах был контрабандист опиумом и сбывал свой товар в Яркенде. В декабре он выехал на родину и предполагал успеть пройти через перевалы до того, как они будут занесены снегом и станут непроходимыми. Ехал он на маленькой лошадке и вез с собой две кипы шелка и немного денег. Большая часть его выручки перепала на взятки властям.

Подъехав на второй день пути вечером к кибитке Якуба, находившейся в довольно глухом месте, Мухамед Шах попросил позволения переночевать. Якуб, ссылаясь на свою бедность и тесноту в кибитке, где, кроме него, находились больные жена и трое детей, предложил ему лечь снаружи близ кибитки, на что тот и согласился. Он завернулся в овчинную шубу, подложил под голову седло и заснул.

Якуб решил его убить и ограбить. Выждав часа два, он с тяжелым камнем подошел к спавшему и ударил его камнем по голове. Тот даже не вскрикнул. Труп убитого Якуб отвез на лошади далеко в сторону, в горы, сбросил в высохшее русло ручья и засыпал сверху камнями. От лошади он решил тоже избавиться и, дождавшись ночи, столкнул ее в пропасть. Деньги он припрятал в укромном месте, а шелк отнес в кибитку объяснив жене, что выменял его на меха каменных куниц.

Прошло несколько недель, и Якуб рискнул отправиться на базар в Янги-Гиссар, где стал тратить деньги убитого на покупки. Вскоре после того супруги присутствовали на одной киргизской свадьбе, и гости обратили внимание на дорогой наряд жены Якуба. Такое неожиданное обогащение возбудило всеобщее подозрение, и в результате, когда разнеслась весть об исчезновении индийского торговца, на Якуба пало подозрение в его убийстве. Якуб долго запирался перед допрашивавшим его беком, но не сумел дать удовлетворительных объяснений относительно своего неожиданного обогащения и в конце концов сознался. Какими средствами бек и подчиненные его добились признания, неизвестно, во всяком случае оно было необходимо, так как по старинному китайскому праву, действующему в Синьцзяне, никто не может быть осужден за преступление, несмотря ни на какую тяжесть улики против него, пока не сознается.

Китайский судья, разбиравший совместно со мной дело, признал Якуба виновным в убийстве и присудил

его к смертной казни. Шесть недель спустя по утверждении приговора генерал-губернатором в Урумчи Якуб был казнен через повешение в присутствии британского аксакала в Янги-Гиссаре.

По окончании судебного разбирательства мы продолжали прерванный путь. Ближайшей нашею целью был Алтынлык у выхода из Караташской долины. В шести километрах выше мы проехали в полдень реку Караташ, когда вода в ней стала спадать, при чем три рукава реки из семи оказались столь глубокими и вода в них текла столь стремительно, что наши животные могли переправиться через них лишь при помощи жителей ближней деревни.

Дорога по Караташскому ущелью дальше к югу оказалась размытой, и только благодаря помощи случайно попавшегося нам навстречу киргиза мы могли обходным путем западнее перебраться со своими животными через указанный им перевал, потом снова выше Самана вернуться к ущелью и у Хантерека свернуть в Чопканскую долину. Попадавшиеся нам тут киргизы встречали нас очень приветливо, угощая гостеприимно чаем, хлебными лепешками и особым кушаньем, называемым умах (род супа из молока, ячменной муки и воды с добавлением небольшого количества мяса). Предлагались нам даже яйца, что представляло большую редкость, так как киргизы здесь кур не разводят, и мы поэтому даже везли с собой двух несущихся кур.

Достигнув Кайинг-Джилга („Счастливой долины“, как мы ее прозвали), мы разбили свои палатки на том самом месте, где останавливались в октябре прошлого

года. В смысле удобства стоянка не оставляла желать ничего лучшего: топлива, травы для скота и воды было вволю. В этом месте среди леса, ледников, горных лугов,

Долина Кайинг-Джилга (Памир)

покрытых яркими альпийскими цветами, представленными сотнями видов, мы провели три недели, предпринимая частые прогулки в боковые долины и в горы. Я не оставил своего плана сделать фотографические снимки восточных склонов Кунгурского хребта и с этой целью неоднократно делал восхождения на горы, при чем мне остались памятли два трудных подъема: один—до

высоты 4 650 метров, а другой—до высоты 4 850 метров над уровнем моря, на вершину Зумуратского хребта, при чем на сей раз мне удалось увидеть и заснять недостижимую Шевакту с ее четырьмя пиками высотой более 6 000 метров каждый, из-за которых выглядывала одна из вершин Кунгурского хребта высотой 7 500 метров.

Некоторой помехой для прогулок были дожди, обычно перепадавшие к вечеру или ночью, но по утрам почти всегда было ясно. К концу нашего пребывания погода стала совсем хорошей.

ГЛАВА XI

НАСЕЛЕНИЕ „СЧАСТЛИВОЙ ДОЛИНЫ“

Население долины Кайинг-Джилга составляют кочующие киргизы, которые в зависимости от состояния пастбищ и времени года перебираются с своими стадами и кибитками с места на место. Правда, во время своих кочевок им не приходится покрывать больших расстояний, как степным киргизам. Их яйлаки или летние пастбища расположены у подножия ледников на высоте 3 250—3 600 метров от уровня моря. В апреле и мае, а также в октябре и ноябре, кочевья их находятся там, где мы первый раз застали их: на высоте 2 700—2 850 метров, в самой широкой части долины. Зимнее их становище, или кишлак, расположено у выхода из долины при слиянии реки Кайинг с Караташем, т. е. на высоте 2 100 метров. Таким образом все расстояние, которое им приходится проходить во время кочевок, не превышает пятнадцати километров, а соседи их

в смежных долинах проходят от зимних до летних становищ или обратно еще меньшее расстояние, километров до восьми не больше.

В административном отношении район этот входит в состав Караташского уезда, подчиненного янги-гиссарскому амбаню, который взимает налоги через посредство караташского бека, несущего ответственность за исправное поступление налогов и поддержание порядка и законности. Бек в свою очередь распоряжается через посредство унбаши, или десятников, а сам лишь раз—два в год объезжает свой район. Всех хозяйств в районе насчитывается не более двухсот пятидесяти. Бек берет себе с каждого хозяйства по овце, так как не получает от казны никакого жалования.

Киргизы долины Кайинг-Джилга возделывают только ячмень и хлеба едят мало. Основной продукт их питания составляют молоко и молочные продукты: катык, или кислое молоко, и курут, род сыра. Курут готовится путем створаживания сливок в козьих шкурах, которые подвешиваются на высоте двух—трех метров от земли. Отправляясь куда-либо, киргиз берет с собой несколько кусков курута и дополняет еду диким ревенем и сельдереем, которые он рвет по дороге в известных ему местах. Хлеб печется в форме тяжелых ковриг (закваской служит кислое молоко). Бедные семьи редко употребляют его в пищу, может быть, к пользе для своего желудка. Иногда охотнику случается убить горного барана из своего кремневого ружья, тогда для всей общины наступает большой праздник.

Необходимые предметы домашнего обихода, в роде сапог, материи на платья, ножей и т. д., которые можно купить только на рынке, киргизы этого района приобретают в Янги-Гиссаре или покупают у бродячих торговцев, раз—два в год заглядывающих в долины. Деньги на покупку этих товаров идут из выручки от продажи излишков продуктов собственного хозяйства, в роде живого скота, веревок и ковров из верблюжьего волоса или волоса яка, сыра, лисьих мехов и рогов горных баранов (рога входят в состав отваров, употребляемых в китайской медицине). Количество скота у семи семей киргизов, населяющих долину, составляет двадцать пять яков, десять лошадей, тридцать голов обыкновенного скота и полдюжины верблюдов. Число коз и овец в долине колебалось в пределах трех—четырёх тысяч.

Временное летнее жилье киргизов в долине представляет укрытие из ветвей, шалаш, устроенный под деревьями или под выступом скалы. Кибитки киргизов по размерам и прочности различаются между собою в зависимости от местности. На Китайских Памирах они просторней, на Тянь-Шане к северо-востоку от Кашгара они меньше, но прочнее. Покрытые войлоком, они пропускают влагу и ветер; тем не менее жители в силу привычки держатся за них, отказываясь от каменных построек, в каких живут киргизы Кзыл-Тага. Посреди такой кибитки находится очаг, в котором почти всегда горит огонь, при чем дым выходит в отверстие в середине крыши, прикрываемое во время дождя. Топливо, притом древесное, в долине всегда имеется в изобилии. Держатся кибитки очень прочно, хотя иногда для боль-

шей прочности деревянный остов кибитки веревками прикрепляется к тяжелому камню внутри кибитки.

Установка кибитки производится всегда женщинами, которые выполняют эту работу очень быстро. Я сам видел, как две девушки в полчаса поставили довольно большую кибитку. Кибитку средних размеров можно перевезти на трех верблюдах или яках. На короткие расстояния кибитку переносят в целом виде человек десять сильных мужчин, которые по данному сигналу сразу поднимают ее и устанавливают на указанное место.

Внутри кибитки посередине помещается очаг и над ним котел для варки пищи. Далее в глубине, в особом отделении, закрытом камышовой цыновкой, хранятся в деревянной посуде молочные продукты. В другом отделении содержатся молодые ягнята, привязанные почти вплотную к длинной веревке, протянутой по стенке. В дождливую погоду молодые ягнята большую часть времени находятся в кибитке. По стенке на крюках внутри кибитки висят разные предметы домашнего обихода: кожаные переметные сумы, решота, шапки с меховой оторочкой, большие круглые мотки шерсти, кожаные мешки с творогом, топоры, чапаны или стеганные халаты и т. д. Иногда тут можно еще увидеть дутар (род гитары из выдолбленной тыквы с длинным грифом) и старое кремневое ружье. До четверти всего места по стенкам занимает груда скатанных войлочных кошм и ковров с подушками, по количеству которых определяется достаток хозяина.

По отзывам некоторых наблюдателей, киргизы на Китайских Памирах вымирают. Про кунгурских киргизов

этого сказать было бы нельзя. Я заметил, что в редких семьях было менее двух детей, были даже семьи, имевшие от четырех до восьми детей. Детская смертность огромная, но население, хотя медленно, возрастает. Несмотря на полное отрицание правил всякой гигиены и разумного питания, киргизы — народ весьма здоровый. Это, без сомнения, объясняется их постоянным пребыванием на открытом воздухе. Главные болезни среди них, насколько заметила моя жена, оказывавшая женщинам лечебную помощь, это — кожные и желудочные всякого рода. У некоторых киргизов лица носят следы оспы. Любопытно, что смертность среди кзыл-тагских киргизов, перешедших от кибиток к каменным домам, значительно выше, и они, повидимому, обречены на вымирание. Хотя киргизы никогда не моются, свои кибитки они содержат в большой чистоте, постоянно подметают, и насекомые в них обычно отсутствуют.

Киргизские женщины держатся смело, непринужденно и уверенно, представляя в этом отношении полный контраст с жительницами городов. Они более домовиты и практичны, чем последние, и менее имеют страсти к ненужным нарядам. Трудолюбие и выносливость их поразительны. Помимо внутренней домашней работы, на них лежит доение яков, коров, овец и коз. Они ткут и прядут, вяжут веревки, устанавливают кибитки и выполняют многие другие работы. Мужчины в сравнении с ними представляются более наклонными к лени, они нередко предпочитают играть на гитаре целый день до вечера, а по утрам валяться долго в постели. Тем не менее им тоже приходится нести разные

работы, сельскохозяйственные и иные, в роде наблюдения за целостью стад, что является нелегким делом, если представить себе, что стадо нередко состоит из трех десятков яков и двух сотен овец, которые бродят по крутому скату горы километра в два длиной.

Из диких животных в горах, окружающих долину, попадает рысь, правда, весьма редко, каменные бараны, иногда встречающиеся целыми стадами, волки, красные лисицы, сурки, живущие до высоты 3 600 метров, любопытный грызун размера морской свинки, попадающийся в лесу на высоте до 3 300 метров, и каменная куница с рыжим мехом. Попадает весьма много зайцев. Одну небольшую ящерицу я нашел на морене на высоте 4 350 метров, а на высоте 4 800 метров встретил на снегу паука. Птичий мир представлен довольно богато. Из птиц встречаются: черный орел, несколько видов соколов, ястреб, красноногая куропатка, тибетская курочка, ворон, длиннохвостая сорока, каменный голубь и многие другие птицы небольших размеров, свойственные Северной Европе.

Особенно поражает в долинах обилие разнообразных цветов в июне и июле, превращающих конечные морены ледников, болотца, лужи и поляны в подлинные сады. Я собрал и засушил тридцать семь видов разных цветов. Особенно поразил нас один цветок с приятным запахом, растущий среди камней на высоте 3 900 — 4 200 метров. В ботаническом саду в Кью в Англии доставленные нами образцы признали типичными представителями центрально-азиатской флоры, а не гималайской, хотя от Гималаев до места находке-

ния их по прямой линии не было и трехсот километров. Шишконосные хвойные кунгурских гор тоже скорее принадлежат тянь-шаньской флоре, чем гималайской. Район этот представляет собой крайнюю границу распространения тянь-шаньской ели. Далее почти на 2000 километров к востоку по всей длине хребтов Куэн-Луня и Алтын-Тага не встречается ни одной ели. Затем начинаются уже леса Нян-Шаня, куда влага заносится ветрами Тихого океана.

Мы с женой решили устроить праздник для киргизов и приготовили для них угощение. Вместе с мужчинами явилось десятка два женщин, некоторые были с детьми. Мужчины в нашу честь устроили скачку с убитым козлом, так называемый оклак или байга, заключающуюся в том, что один всадник брал на седло к себе только-что зарезанного козла с отрезанной головой и быстро мчался с ним до определенной цели. Прочие всадники должны были нагнать его и, изловчившись, вырвать у него козла. Скачка продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь не сумеет доскакать с козлом до цели. Женщины при этой игре не присутствовали.

К моменту раздачи угощения все присутствовавшие расположились на цыновках и кошмах, разостланных прямо на траве, женщины на расстоянии шагов пятидесяти от мужчин — отдельной группой. Некоторые женщины принесли с собою лепешки и другие печенья из муки, которыми поделились со своими приятельницами.

Свадебные обычаи горных киргизов значительно отличаются от обычаев жителей равнин Кашгарии. Если

У последних жены ценятся недорого, а развод стоит совсем дешево, то у горных киргизов жених должен платить отцу невесты выкуп—калым—от десяти и до тридцати яков или другим скотом в соответствующих размерах. Когда мальчик достигнет семилетнего возраста, происходит его помолвка с дочерью какого-нибудь другого киргиза, находящейся приблизительно в том же возрасте, при чем устанавливается размер калыма и сроки его выплаты, что составляет предмет долгой торговли между родителями обоих детей. Когда отцу невесты уплачен будет первый взнос, он дает в подарок будущему жениху рубашку или халат в знак того, что помолвка заключена. Однако по взаимному согласию она может быть впоследствии расторгнута, при чем часть калыма возвращается. По уплате всего калыма и по достижении помолвленными брачного возраста, который для невесты считается обычно лет в четырнадцать, а для жениха — пятнадцать — шестнадцать, происходит свадьба, при чем однако на брачном пиру ни жених, ни невеста не присутствуют. Затем в течение времени от двух до пяти месяцев молодая живет с своими родителями, пока муж не устроит своей кибитки и не обставит ее всем необходимым. В течение этого времени он живет у своих родных, если они проживают близко, или в кибитке, предоставленной ему родителями жены, которую он может навещать раз в неделю или в десять дней, при чем предполагается, что эти посещения остаются тайной для ее родственников. Молодой не должен также показываться в течение этого времени своему тестю, разве только придет к нему в дорожном снаряжении

и с палкой в руке, как-будто он был пришелец изда- лека. Если за этот испытательный срок окажется, что невеста была неверной, брак расторгается и по требо- ванию отца новобрачного калым возвращается. В про- тивном случае новобрачный, когда кибитка будет готова, берет жену к себе. Родные ее при этом оказывают притворное сопротивление — след старинного обы- чая похищения невест. Год спустя, не ранее, жена может дать мужу развод, вернув уплаченный за нее калым, т. е. совсем обратное тому, что происходит в равнинных областях, где развод может дать только муж.

Перед возвращением в равнину мы, по просьбе на- шего случайного проводника в долине Кайинг, киргиза Самсака, согласились посетить его становище в одной из смежных долин, Япчан-Джилга, куда путь однако по крутой тропе оказался не из легких. 15 июля мы выступили, отослав значительную часть своего каравана в Хантерек в Караташской долине. В Япчанской доли- не мы из-за дождя задержались на сутки. Попрежнему киргизки обступили мою жену, спрашивая у ней вся- ких медицинских советов. Одна киргизка с этой целью пришла с ребенком из далекой Каратумушской доли- ны, лежащей за долиной Кайинг-Джилга, затратив на переход два дня и пройдя три трудных перевала, из них один снежный, высотой 4 500 метров, и четыре по- тока в брод. Все это для того, чтобы спросить совета у жены, как ей иметь побольше детей.

На пути отсюда в равнину мы, пройдя Аксайский перевал, неожиданно с высоты 2 800 метров отчетливо увидели на расстоянии сорока километров горную

группу Шевакту с ее иглоподобными пиками и подавляющий своей громадой массив Кунгура сзади на расстоянии пятнадцати километров, высотой по крайней мере в 7 000 метров.

К вечеру мы переправились благополучно через семь рукавов Караташа, и вообще дальнейший путь до Кашгара ни с какими трудностями связан не был.

ГЛАВА XII

АРХЕОЛОГИЯ КРАЯ, ИСКУССТВО, ЛЕГЕНДЫ, СУЕВЕРИЯ

Иногда путешественников в Китайском Туркестане поражают светлая кожа и почти европейские черты лица некоторых туземцев. В этом нет ничего удивительного, так как, по собранным учеными данным, оказывается, что население бассейна реки Тарима еще сохранило в значительной степени черты альпийского типа. Впрочем, в чистом виде тип этот встречается только в некоторых изолированных горных районах, например, среди таджиков Сарыколской долины. Большая же часть населения, особенно в округах Кашгарском и Аксу, представляет смешанный тюрко-монгольский тип. Среди жителей оазисов по западной и южной границам пустыни Такла-Макан преобладает тот же самый тип, как в итальянских Альпах, на Кавказе или в могилах Лоулана, относящихся к III столетию, на восточной окраине Таримского бассейна.

Через Монголию, Чжунгарию и Китайский Туркестан прошли когда-то целые полчища кочевых наро-

дов: гуннов, турок и монголов, захватывавших на пути своем целые царства. Если завоеватели не осели в бассейне Тарима, то лишь из-за недостатка пастбищ, без которых эти пастушьи народы не могли существовать. Засушливость Кашгарии и изолированное положение области, огражденной высочайшими горными хребтами, содействовали тому, что с первых веков своего исторического существования, т. е. со II столетия до нашей эры, и вплоть до последнего времени население Таримского бассейна удержало свои неприкосновенные черты.

Но и в другом отношении бассейн Тарима представляет много поучительного. Здесь, в этой области, встретились культуры Китая — с одной стороны и Персии и Индии — с другой. Здесь, в оазисах, начиная со II века до нашей эры и вплоть до III столетия процветала цивилизация преобладающего индо-скифского характера с примесью античной греческой, проникшей через Иран и Северо-западную Индию. Через Таримский бассейн роскошные шелковые изделия Китая проникли в Римскую империю, а образцы греко-римского искусства дошли до западных границ Китая. Вдоль хотанской дороги проник в Китай и буддизм.

Многочисленные археологические раскопки, производившиеся в разных местах Китайского Туркестана и провинции Ганьсу, особенно в районе Хотана, подтверждают все сказанное. Сохранившиеся памятники древности, архитектурные и скульптурные, носят смешанные следы влияния культур греко-буддийской и китайской. Страна изобилует памятниками древнего про-

шлого и даже появилась своеобразная профессия—кладовискателей, которые не без успеха роются в старинных могилах в раскаленных песках по западной окраине пустыни Такла-Макан, сбывая затем найденные драгоценности на базарах. Мне все же удалось приобрести у местных жителей и собрать коллекцию древних вещей, состоящую из рукописей, печатей, кусков цветных фресок с хорошо сохранившейся живописью и т. д. и пожертвовать Британскому музею в Лондоне.

Если обратиться к настоящему времени, то придется сказать, что в Китайском Туркестане искусство и ремесло стоят на более низком уровне, чем прежде или в других странах мусульманского востока, как, например, в Персии и Турции. В этих странах, более живо и тесно связанных с западноевропейским рынком, возрастающий спрос на художественно-ремесленные изделия не только удержал ремесло от падения, но даже содействовал росту и подъему его в количественном и качественном отношении; достаточно только указать на цветущую ковровую промышленность Турции и Персии. Таких благоприятных условий в Китайском Туркестане не было, и вследствие отдаленности страны от международных рынков и слабого спроса ремесло заметно захирело. Еще в середине прошлого столетия на базарах Яркенда, Кашгара и Хотана можно было найти высокохудожественные образцы изделий в роде прекрасных старинных ковров, различных металлических изделий с украшениями и вышивок. Современные образцы, наоборот, свидетельствуют о низком уровне вкусов. Когда-то цветущая ковровая промышленность

хотанского района — наглядный тому пример. Не только вышли из употребления прежние великолепные растительные краски, которые были заменены более дешевыми заграничными анилиновыми, но даже в рисунках замечается ухудшение и слепое подражание плохим китайским образцам. В рисунках вышивок по шелку обнаруживается также дурное влияние китайского стиля. Существуют еще ручные вышивки золотом и серебром по бархату, но спрос на них небольшой, и материалы привозятся из-за границы: нитки — из Индии, а бархат — из Советского Туркестана. Любопытно, что на вышивках VII—VIII столетия, как и XIX, можно проследить смешанное персидско-китайское влияние.

Но не только коврами и вышивками славился прежде Хотан. Медные хотанские изделия в виде разнообразных предметов домашнего обихода также отличаются высоким качеством, особенно в отношении рисунка. Искусство это тоже приходится считать потерянным.

Каллиграфическое искусство зато в Китайском Туркестане не получило никакого развития.

Как и следовало ожидать, благодаря своему изолированному положению и средневековым условиям существования, в редкой стране сохранилось столько поверий, легенд, суеверных обычаев, сколько в Китайском Туркестане. Многие из них ведут свое происхождение от эпохи, предшествующей исламу и даже буддизму. Другие легенды представляют какую-то смесь буддийских и мусульманских верований.

Некоторые предания записаны в священных книгах, хранящихся в разных святилищах. В купленной мною

копии одной из таких книг содержится рассказ о четырех имамах, последних из числа двенадцати потомков Али, которые, согласно местной легенды, в IX и X столетии пришли из Аравии в Кашгарию, чтобы утвердить ислам, и пали в боях за веру. В книге описано, как имамы собрали и послали огромную армию в Кашгарию, где население обнаружило наклонность вернуться снова к язычеству. Несметной ратью обрушились они на страну, и жители Кашгара, Яркенда и других городов поспешили принять ислам. Но в Хотане местные правители готовили сопротивление. В происшедшей битве один из имамов был убит. Могучий волшебник сделал Хотан невидимым, и армия имамов простояла безрезультатно на одном месте сорок лет. Только тогда правители удалились в горы, чтобы построить там крепкий новый город, Хотан был взят и жители его обращены в магометанство. Битва под новым городом кончилась для имамов неудачей. Два неприятельских воина из племени уджат, приняв вид собак, тайно прокрались в лагерь имамов, перегрызли всю конскую упряжь и снаряжение солдат, и на следующий день войско имамов было разбито, а сами они погибли в бою. Имамы были торжественно похоронены, а на виновников их гибели легло проклятие. Дети мужского пола у них должны были рождаться четвероногими и с хвостами. Потомство могло избавиться от этого проклятия при условии выдачи замуж своих дочерей за шейхов, хранителей могилы убитых имамов.

Легенда эта явно составлена в XI—XIV столетии и представляет не что иное, как обработку и приспособ-

ление муллами сказаний домусульманского периода к местным обычаям почитания гробниц умерших предков.

Обращение населения Китайского Туркестана в магометанство происходило очень медленно. В X столетии официальной религией страны был буддизм, оплотом и твердыней которого являлся Хотан. Но это был скорее испорченный буддизм, а подлинной религией народа было манихейство. Язычество медленно вымирало, в бассейне Тарима оно не исчезло и по сейчас. Обращение страны в ислам начали так называемые имамы, при монголах наблюдается возвращение к язычеству и только с XIV века ислам сделался религией страны.

Укрепляя свои позиции, духовные представители ислама ловко использовали сказания о языческих героях, переделав их на свой лад, где под видом языческих героев представлены уже мусульманские святые¹.

Как на пример такой переделки можно указать на легенду о священных крысах, о которых упоминает один китайский путешественник VII столетия. Хотан подвергся нападению гуннов, и царь Хотана был в отчаянии. Ночью во сне ему явился царь крыс и предложил свою помощь. Царь Хотана принял это предложение, и на следующую ночь полчища крыс наводнили лагерь гуннов. Крысы перегрызли все тетивы у луков и пожрали ремни конской упряжи. В результате гунны лишились возможности защищаться и были разбиты.

То-есть то же, что сделало христианское духовенство с языческим культом.

С тех пор крысы в районе Хотана стали считаться священными, и паломники заботятся об их прокормлении.

Не трудно видеть, что эта легенда послужила первоисточником для составления вышеприведенной мусульманской легенды о людях племени уджат, превратившихся в собак, чтобы проникнуть в мусульманский лагерь.

Кашгарцы — большие почитатели местных святых. Многочисленные могилы святых (мазары) раскинуты по всей стране. Некоторые из этих могил украшены каменными плитами или глинобитными памятниками-мавзолеями. Вокруг других, особенно в Хотанском районе, наблюдаются воткнутые в землю длинные шесты с привязанными к ним хвостами яков или лошадей. По-видимому, это — след бывших похоронных обычаев, когда при погребении покойника приносились в жертву животные, а шкуры и хвосты развешивались возле могилы.

Предметом почитания служат не только могилы имамов, но и других местных святых и героев. Такое поклонение святым по существу — не что иное, как пережиток древнего обычая почитания умерших предков, на что указывают даже самые названия некоторых мазаров. Так, есть мазар «Бу анам» (наша прародительница) или мазар „Султан бувам“ (наш царственный предок) и т. д.

В суеверном представлении населения святые в состоянии исцелять всякие болезни и могут по молитве посылать детей бездетным. Неудивительно поэтому, что мазары служат предметом широкого паломничества

со стороны населения, особенно женщин. С целью большего привлечения последних муллы озаботились устройством мазаров в честь женщин, прославившихся своей благочестивой жизнью, сочинив при этом подходящие жития их, изобилующие всякими легендарными вымыслами о совершенных ими чудесах.

Сохранились в Китайском Туркестане и древние языческие обычаи в роде празднования нового года в марте, как у последователей религии Зороастра в древней Персии. В Яркенде, в Старом (туземном) городе происходит большая ярмарка, которая длится три — четыре недели. Во время ярмарки устраиваются народные игры и гулянья. Это несомненно — отражение праздника персидского нового года, и муллы не перестают настаивать перед китайскими властями о запрещении ярмарки. Однако они встречают противодействие со стороны многих заинтересованных лиц, в первую очередь ярмарочных торговцев и бродячих артистов разного рода, фокусников, рассказчиков и других, собирающих обильную денежную жатву во время ярмарки. С своей стороны они также подают амбану прошения об оставлении ярмарки с приложением соответствующей мзды и поддержку себе находят со стороны полиции, заинтересованной материально в существовании ярмарки. По этим причинам агитация мулл пока никакого успеха не имела.

Есть ряд других праздников языческого происхождения, празднуемых в различные времена года и явно несоответствующих магометанскому календарю. Чтобы не упустить и здесь своих выгод, муллы постарались,

чтобы празднование их происходило в местах расположения находящихся в их ведении мазаров.

Борьба мулл с остатками язычества и суевериями оказалась очень трудной. Кашгарцы — плохие мусульмане. Из полагающихся пяти ежедневных молитв кашгарец прочитывает только одну — две, строгий пост рамазан он тайком нарушает и постится только на людях. По этому поводу китайцами сложена поговорка: один мусульманин — не мусульманин, двое мусульман — полмусульманина, трое — целый мусульманин. Из всех религиозных обрядностей для кашгарца-мусульманина, любителя хорошо покушать, самой тяжелой является необходимость строгого соблюдения поста рамазана, во время которого запрещается есть днем. Муллы не перестают призывать все громады небесные на головы нарушителей этого правила. Существует даже шутливое четверостишие, относящееся к этому посту, которое в переводе гласит: „Я пощусь в рамазан, чтобы спасти душу; бодрствую по ночам, чтобы набить желудок. Я боюсь сказать: не стану поститься, так как иначе меня ждет наказание в аду“.

Сохранился и обычай жертвоприношений животных в Китайском Туркестане во время религиозных праздников. Приносится в жертву баран, обычно в богатых домах. Шкура барана идет имаму, голова и ноги муэдзину, шея и голяе мяснику, небольшая часть туши раздается нищим.

Наклонность населения к суеверию содействует появлению многочисленных знахарей-шарлатанов. В Яркенде, например, в 1924 году насчитывалось до тридцати таких знахарей, собиравших обильную мзду со

своих легковверных клиентов, особенно женщин. Яркендский медицинский совет вычислил, что ежегодный заработок этих знахарей составляет сумму в 175 000 местных таэлей или около 230 000 рублей, тогда как „настоящие“ врачи зарабатывают не более 4 000 рублей; впрочем, в искусстве врачевания сами „врачи“ не далеко ушли от знахарей. Плата, которую эти знахари взимают за визит, колеблется в пределах от теньги (8 коп.) до 20 таэлей (25 руб. 60 коп.) или более. Лечение заключается в изгнании бесов, которыми одержим больной.

Начинается лечение с того, что больного берут с постели и усаживают на полу спиной к канату, протянутому с середины потолка до пола. Помощники знахаря ударяют непрерывно в бубен и при этом поют, а сам знахарь пляшет вокруг сидящего, берет зарезанного петуха и прикладывает его к лицу больного. Иногда у петуха вынимаются легкие и прикладываются к спине или знахарь начинает стегать больного прутом по спине, восклицая: „кач!“ (прочь, вон). Заклинание начинается с призывания имени аллаха, а затем разных героев, Чингис-Хана и других. Зажигается огонь, бубен держится некоторое время над дымом и прикладывается к уху больного. Потом больного выводят из дому и ведут к какой-нибудь заброшенной мельнице, пустующему дому или до перекрестка дорог, где больного сажают на землю и накрывают халатом. Вокруг него знахарь обводит круг, по окружности которого втыкают несколько палок с просмоленной ватой на верхних концах и зажигают. Знахарь начинает бегать вокруг больного, ударяя его прутом или живым петухом

по больному месту, где сидят духи, и повторяет заклинание, как в доме. Этим и заканчивается врачевание.

Все это весьма напоминает церемонии сибирских шаманов, когда они берутся за лечение.

К содействию знахарей принято обращаться не только во время болезни, но и в других затруднительных случаях: надо ли избавиться от вредных последствий дурного глаза или добиться чьего-либо расположения или, наоборот, поссорить кого с кем-либо и т. д. в этом роде. Известно несколько способов ускорить чью-либо смерть. Так, если жена хочет известить своего мужа, она семь раз под ряд по средам должна мыть свою голову. Муж, желающий избавиться навсегда от жены, должен расчесывать бороду двумя гребнями.

Большое значение суеверными туземцами придается туфлям, которые надеваются на башмаки при выходе наружу и снимаются при входе в дом. В представлении туземца туфли составляют как бы часть тела самого носителя их, и в зависимости от того, что с ними сделают, когда они находятся у дверей, перевернут или передвинут и т. д., владельца их ожидает та или иная участь. Например, если поднять их с пола и бросить как попало, владельца туфель неминуемо постигнет смерть. Считается также, что смерть кого-либо неблагоприятным образом отзывается на здоровье его близких родственников.

Существует вера и в злых духов; особенно вред приносят духи умерших китайцев. Чтобы оборониться от них, надо ночью за порог двери положить монету. Если она на утро исчезнет, это будет означать, что она взята духами.

У жителей Кашгара и окрестностей существует какой-то особенный страх перед змеями, хотя последние не ядовиты. Существует поверье, что если будет убита змея-самка, то самец будет везде преследовать убийцу. Пустыня Такла-Макан также с древнейших времен является неиссякаемым источником суеверий и легенд всякого рода. Население, живущее по ее окраине, считает, что под песками ее похоронены большие богатые города, посещаемые демонами и духами их прежних обитателей. Их особенно боятся кладоискатели, год за годом отправляющиеся на поиски скрытых в пустыне сокровищ и нередко при этом гибнущие. Пески в пустыне таят в себе много засыпанных городов. Народные легенды склонны приписать гибель их божеской каре за грехи их жителей, которые не вняли обличительным речам праведников, посланных им свыше. Это напоминает библейскую историю о гибели Содома и Гоморры. Современные исследователи находят однако, что ни один из засыпанных городов не погиб в результате внезапной катастрофы, и склонны объяснять причины оставления их жителями или недостатком воды, или изменением русла некоторых рек, или наконец политическими причинами.

Недостаток воды в реках, вероятно, в значительной степени вызывается уменьшением размера горных ледников, которые дают рекам главный приток воды. Еще шестнадцать столетий тому назад незначительная маленькая речка Ния текла на тридцать километров дальше в направлении пустыни, чем в настоящее время. Большое озеро Лоб-Нор поверхностью в 1 800 квадрат-

ных километров, питаемое рекой Таримом, как видно по старинным картам, постоянно меняет свое местоположение, передвигаясь постепенно с севера к югу километров на сто и потом обратно. В настоящее время оно скорее¹ напоминает заросшее болото, а в III столетии нашей эры оно покрывало поверхность в 14 400 квадратных километров. На берегу его находился большой город, развалины которого обнаружены несколько лет тому назад. Возможно, что вместо нынешней пустыни тогда существовала цветущая страна, свидетельством чему—сохранившиеся молчаливые развалины городов.

ГЛАВА XIII

БЫТ НАСЕЛЕНИЯ. НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

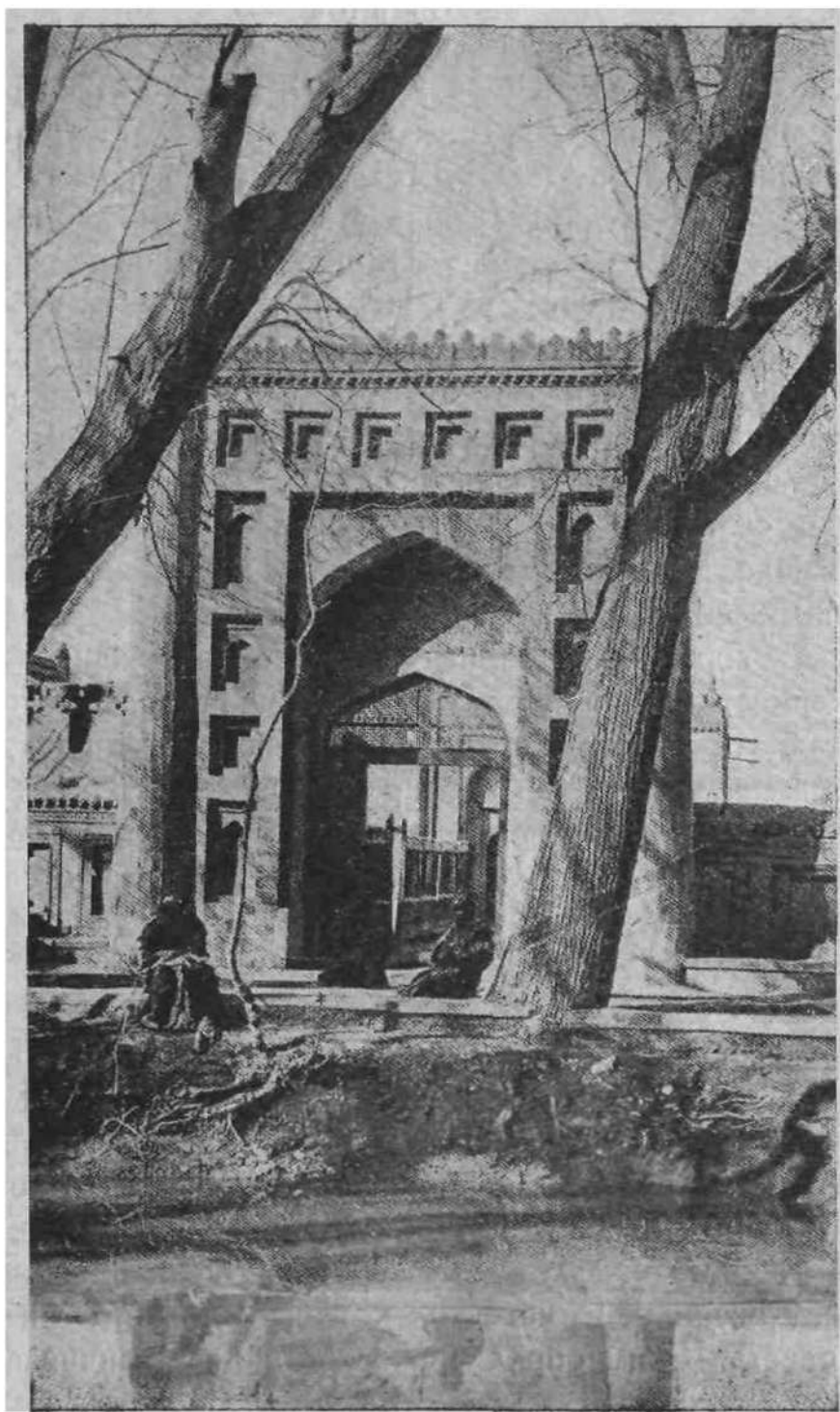
Семейная жизнь в Китайском Туркестане имеет свои характерные особенности. Ознакомиться с ней ближе я имел возможность, разбирая по роду своей службы гражданские дела, касавшиеся различных вопросов семейного права, в роде дел о разводах, наследственных, брачных и т. д., когда одной из сторон выступали британские подданные. Решения по этим делам выносились в соответствии с местными законами и обычаями. Помимо того, много интересных сведений относительно семейной жизни туземцев сообщил мне знакомый житель города Яркенда Мурад Кари.

Благодаря невежеству и дурным гигиеническим условиям детская смертность в Китайском Туркестане весьма высока, хотя, вероятно, и ниже, чем в Индии. Матери уже с двухмесячного возраста начинают пич-

кать своих грудных детей всякой пищей, делая это для „укрепления желудка“. В этом отношении они берут пример с китайнок. Среди средних и низших классов предпочтение отдается девочкам, в надежде, что они привлекут в семью богатого жениха, тогда как мальчик, женившись после пятнадцати — шестнадцати лет, ничего не дает родным и заводит свое собственное хозяйство.

Спустя лет семь по рождении ребенка приглашается мулла, который в присутствии собравшихся гостей нарекает ему имя, читая при этом подходящие стихи из корана, и получает установленную мзду.

Учение для детей в мектебе (школа при мечети) начинается с четырех — пяти лет и продолжается до семи, если родители бедны, и до девяти, если имеют некоторый достаток. Дети богатых родителей учатся до тринадцати лет. Кроме мектебов, имеются медресе, школы повышенного типа и очень редкие, так что посещает их едва пять процентов мальчиков в возрасте четырнадцати — пятнадцати лет. Десятка два лет тому назад, как правило, письму в школах не обучали. Письма диктовались изустно особым профессионалам, так называемым гафизам (запоминателям), которые, как почтовые курьеры, переезжали из одного города в другой, аккуратно передавая поручения. Даже и теперь едва ли в одном мектебе из десяти учат письму. Обычно дети в школе должны выучить наизусть несколько глав корана вместе с правилами молитв и поста. Дети старшего возраста в некоторых школах учатся немного по-персидски и читают тюркские книги.

Яркенд. Ворота школы при мечети

Плата за ученье, вносимая учителю, невысока. Отапливание школы происходит за счет учащихся. Метод преподавания состоит в том, что учитель заставляет учеников хором заучивать наизусть урок, пока они его не запомнят. Чем шумнее в школе, тем выше репутация учителя.

Брачные обычаи кашгарцев, жителей равнин, значительно отличаются от обычаев горных киргизов. За женщину не платится никакого калыма. Свадьба для мужчины обходится дешево, а развод—того дешевле. Среди сельских жителей преобладает единоженство. Горожане зато имеют очень часто двух жен и более, которых содержат в разных кварталах или даже по разным городам. Гаремная система содержания жен всех вместе не практикуется. Девочки вступают в брак двенадцати—четырнадцати лет, мальчики—пятнадцати—шестнадцати. Вопрос о браке решается родителями, желания молодых людей в расчет не принимаются. Матери стремятся как можно раньше выдать своих дочерей замуж. Незамужняя девочка четырнадцати лет становится предметом насмешек своих подруг. Жениху видеть до брака свою невесту разрешается.

На свадебное пиршество родители невесты созывают родных и знакомых, а также духовенство. Перед женихом и невестой ставят столик с хлебом и чашей соленой воды. Мулла спрашивает брачующихся о согласии вступить в брак, читает установленную молитву, отламывает от хлеба два куска и, обмакнув их в чашу, подает жениху и невесте, которые должны их тут же съесть. Этим обряд бракосочетания заканчивается.

Нищим раздаются деньги и угощение. Мулла также получает причитающуюся долю.

Приданое невесты составляют платья, украшения, разная домашняя утварь. Жених получает в подарок верхнее платье и пару сапог. Расходы на свадьбу, которые несут почти исключительно родственники невесты, колеблются в пределах от 40 до 65 рублей у бедных, повышаясь до 2 600 рублей у богатых. Жених иногда принимает на себя обязательство выплатить жене известную сумму денег в пределах от 50 до 1 000 таэлей (65—1 300 рублей). Сумму эту жена может потребовать в любое время до самой смерти, но обычно она теряет при разводе это право, даже иногда сама отказывается от этой льготы.

Свадебная процессия от дома родителей невесты движется к дому жениха обычно с музыкой, сопровождаемая толпой гостей. Невеста едет впереди на лошади или осле, реже идет пешком. Прибыв к своему новому дому, новобрачная не переходит через порог, а ждет, пока муж или близкие родственники не перенесут ее. Обычай требует также, чтобы мать невесты, как и сама молодая, громко плакали и причитали во время брачной церемонии.

Спустя несколько дней после свадьбы, если все прошло благополучно, семья невесты созывает гостей, отдельно женщин и мужчин, приглашая их в разные дни.

Моя жена, имевшая возможность присутствовать на одном приеме, устроенном специально для женщин, так описывает эту церемонию. Сбор гостей начался

с девяти с половиной часов утра. Все женщины явились в лучших костюмах и располагались по прибытии на полу, поджав под себя ноги. Были также приглашены женщины-музыканты.

На одном конце комнаты были поставлены два стула: для моей жены и молодой. Вскоре появилась девочка лет пятнадцати, тоже недавно вышедшая замуж, одна из родственниц молодой. Все женщины встали. Она поочередно обошла всех и перецеловалась со всеми, здороваясь при этом за руку. Вошло еще несколько запоздавших гостей, которые сняли с себя головные уборы и чадры. Хозяйка дома предложила им надеть более легкие домашние головные уборы, которые и подала, но те вежливо отказались под предлогом, что захватили свои собственные. Затем присутствующим был предложен чай, после чего начались танцы под музыку. Потом гостей угостили фруктами. Танцы возобновились снова. В половине двенадцатого в зал внесли специальное свадебное угощение, род пирожного в виде плотно сбитого с сахаром яичного белка, которым усердно занялись дети. Близкие родственницы хозяев дома тем временем из-за жары переоделись в более легкие платья.

После этого угощения гости по мусульманскому обычаю умыли руки и принялись за жареную баранину, к которой подали большие круглые хлебные лепешки. За бараниной опять последовали чай, фрукты и сласти. Когда гости снова умыли руки, музыка и танцы возобновились.

Несколько пожилых женщин вышли из комнаты за молодой, которая появилась потом, окруженная толпой

родственниц и подруг. Одета она была в затканное золотом платье и вся закутана в белую шелковую вуаль. Моей жене объяснили, что это было второе ее появление перед широкой публикой. Молодая подошла к креслу рядом с креслом моей жены и села. От волнения у ней прерывалось дыхание, руки ее были холодные. Все гости отступили. К молодой подошла маленькая девочка, лет четырех, и сдернула с нее вуаль. Это было как бы сигналом. Все женщины в зале громко заговорили и обступили молодую, которую принялись наперебой целовать. Когда эта часть церемонии закончилась, было уже четыре часа дня.

Что мою жену более всего поразило у женщин, это — их необычайная вежливость по отношению друг к другу. Принимая чай или какое-нибудь кушанье от хозяйки, гостя ей непременно говорит: „ашкалла“ (спасибо). При всех встречах женщины всегда стараются сказать несколько приветливых слов одна другой.

По отзывам лиц, хорошо знающих местные условия, заключаемые в раннем возрасте браки в девяти случаях из десяти оказываются неудачными и скоро расторгаются. Для мужа не представляет никаких затруднений получить развод. Он идет к кази (судья), при чем присутствие жены не является необходимым, и прикладывает свою печать к письменному показанию, удостоверяющему, что он разводится с своей женой. Это ему стоит две тениги (шестнадцать копеек), и дело кончено. В документ о разводе включаются разные условия и оговорка, объявляется ли развод пожизненно или может быть аннулирован и т. п.

Жена не может развестись с мужем без его согласия. Самое большее, что она может сделать, это—уйти от мужа и ждать, пока он да^т развод. Через сто дней после того она может выйти замуж за другого. Иногда, чтобы получить развод, женщина идет на материальные жертвы, отказывается от своего права на получение от мужа определенной суммы или алиментов и даже сама платит ему отступное, оставляя в пользу его домашнюю обстановку, которую принесла с собой.

Легкость расторжения брака в зависимости от одностороннего желания мужа невыгодным образом отзывается на положении замужней женщины. Нередки случаи, когда мужа бросают своих жен на произвол судьбы вместе с детьми, без всякой материальной поддержки, вследствие чего матери стараются как-нибудь отделаться от своих детей и подкидывают их; чаще всего на ступени мечети, в расчете, что какой-нибудь добрый мусульманин подберет и воспитает их.

В сельских местностях, где брак сохранил еще свои устойчивые формы, положение замужней женщины не столь шаткое, как в городе. С другой стороны, следует заметить, что и в городах женщины в Китайском Туркестане в сравнении с другими мусульманскими странами пользуются большей свободой. Чадру постоянно носят только жены богатых, но и они не лишены возможности выходить из дому, если вздумается отправиться в гости. Женщины средних и бедных классов имеют даже в своем распоряжении ослов для поездок, на которых разъезжают свободно по базару, делая необходимые закупки. Хотя по корану женщина

Деревенская жительница в Кашгаре

занимает приниженное положение, но в действительности муж редко предпринимает что-либо не посоветовавшись предварительно со своей женой. Иногда замужние женщины единолично выполняют все расходы по хозяйству. При ленивом, несколько вялом характере рядового кашгарца случается, что бойкая, решительная жена забирает полную власть в доме и пользуется неограниченным влиянием на своего супруга.

В последнее время стало обычным явлением, что замужняя женщина, знающая какую-нибудь профессию или ремесло, в роде кройки, вышиванья, пряденья и т. д., зарабатывает своим трудом средства к существованию. На улице женщины надевают чумбал, плотную четырехугольной формы вуаль, которую они однако откидывают на голову, разве только мимо пройдет какой-нибудь мужчина, занимающий ответственный пост: китайский чиновник, аксакал или генеральный консул.

С растущим уважением и вниманием к женщине начинают относиться лишь тогда, когда она достигнет лет тридцати или более. Она тогда получает наименование „джаван“ и приобретает привилегию носить волосы заплетенными в две длинные косы, спускающиеся на грудь. Муж по этому поводу устраивает праздник, на который приглашаются близкие обоего пола, разумеется, врозь. Взрослую женщину мужчина охотнее предпочитает иметь в качестве жены, чем жену-девочку, которая ничего не умеет делать и в любой момент готова вернуться к своим родным.

Выдать дочь замуж за неверного, китайца или индуса считается столь предосудительным, как выгнать

ее вон из дому на улицу, и только бедняки решаются на этот шаг. Туземное население смотрит на таких женщин как на отступниц, муллы подвергают их отлучению. В материальном отношении подобные браки представляют несомненную выгоду для женщины, так как мужа-иноверцы обычно более богаты, чем туземные. В особенно выгодном положении находятся жены индусов. Мужья их не имеют никакой юридической власти над ними. Если жена уйдет от мужа, мулла не ударит палец о палец, чтобы похлопотать в его пользу, и ему придется опять раскошелиться, если он вздумает жениться на другой. В случае смерти мужа-иноверца жена обычно получает все имущество или, по крайней мере, часть его.

Нередко бывает, что жена иноверца перед смертью „раскаивается“ и ценой щедрых денежных пожертвований в пользу мечети и подачек муллам получает право на погребение по мусульманскому обряду. Относительно принадлежности родителям детей от таких смешанных браков иногда возникают судебные споры. Утвердился однако обычай признавать за отцами индусами или их родственниками право требовать себе сыновей.

Погребальные обычаи жителей также имеют свои особенности. Похороны и поминки обходятся очень дорого. В день смерти нищим раздается денежная милостыня и дается по куску мыла. Хоронят бедных обыкновенно на другой день после смерти, богатых — днем позже. На третий день после смерти приглашаются жители всего квартала, богатые и бедные, на по-

минальный обед. Потребляется не только значительное количество пищи, но приглашенным, помимо того, раздаются костюмы. Обычай этот скорее китайского происхождения. На седьмой день опять устраиваются поминки, на которые приглашаются однако только друзья и родственники. Присутствующие являются в траурных черных костюмах с белым поясом (след китайского влияния). В общем похороны обходятся от тридцати до пятисот таэлей, смотря по достатку родственников покойного. Только незначительная часть расходов возмещается им подарками со стороны друзей и близких. Обычай еще требует, чтобы родственники оплакивали покойного и причитали над ним вслух. Некоторые из этих причитаний носят поэтический характер.

В общем, поскольку дело касается народных обычаев, народной поэзии и творчества, наблюдается значительное разнообразие, в зависимости от того, какой из четырех или пяти главных оазисов Таримского бассейна составляет предмет нашего наблюдения. Можно сказать однако, что Кашгар наименее сохранил следы средневековья и является наиболее мусульманским городом в сравнении с другими. В культурном отношении на нем сказалось влияние Коканда, Бухары и Хивы, этих твердынь ислама. Чувствуются слабые следы и русского культурного влияния — вследствие близости к русской границе. Аксу, расположенный на пятьсот километров ближе к Урумчи и отделенный от советской территории такой преградой, как хребет Тянь-Шаня, является по преимуществу уйгурским городом — явно выраженными чертами монгольского и китай-

ского влияния. Куча — на триста километров далее к востоку, также древний уйгурский город, имеющий свою собственную историю и свое искусство. Еще далее к востоку находится Карашар, главный центр области, населенной дунганами, китайцами по культуре и мусульманами по религии. Яркенд — место „встречи народов“. На культуре его не отразились ни русское ни китайское влияние, разве только в слабой степени персидское и индийское, благодаря торговым связям с этими странами.

Крупный оазис Хотан или Ильчи во многих отношениях интереснее всех прочих, потому что он принадлежит к тому району Таримского бассейна, на котором наименее отразилось чье-либо постороннее влияние, не исключая и ислама. Он, вероятно, был центром языческого государства задолго до проникновения буддизма из Индии. Тысячелетия затем он был центром индийско-скифской цивилизации, при чем буддизм был его официальной религией. Долго и упорно Хотан боролся против ислама, и сейчас еще ислам здесь имеет более слабую почву, чем где-либо в Яркенде или в Кашгаре. Несомненно, в связи с этим Хотан в отношении искусства и ремесла занял руководящее место среди других оазисов. Работы хотанских ремесленников, ткачей, вышивальщиц и медников славятся своим высоким качеством и художественным вкусом. Пение и танцы в Хотане не являются монополией профессионалов, а распространены среди всех классов населения.

Коренные обитатели Китайского Туркестана — тюрки — музыкальная раса. Особенно много музыкантов:

профессионалов в Кашгаре, где музыка в большом спросе. Преобладающие инструменты: дутар—двухструнная гитара, персидский рабоб—род шестиструнной мандолины и доб или бубен. Случайно можно услышать и зурну или афганскую дудку. Певцы нередко импровизируют свои песни. Молодые люди и мальчики очень любят напевать на ходу, когда куда-либо идут. Слышанные мною мелодии, насколько я могу судить, очень выразительны и понятны европейскому слуху в сравнении хотя бы с индийскими или китайскими. Я собрал несколько образцов поэтического творчества туземцев, записал и перевел их, насколько мог, при помощи моего знающего спутника Мурада Кари из Яркенда, при чем самые интересные и лучшие образцы я нашел в Яркенде, Хотане и особенно в Полу, среди диких ущелий Куэн-Луня к югу от Керии, в нескольких километрах от северной границы Тибета.

По содержанию своему записанные мною песни можно разделить на песни печального содержания, любовные, комические и смешанного характера, а также такие, содержание которых составляет какое-нибудь историческое или современное событие.

Вот пример песни печального содержания:

Атам сурсе, анам сурсе, „Юрайдур“ данглер
„Кунгле гамда, кузе яшда иглайдур“ данглер.

Отец мой спросит, мать спросит,

Отвечай: он подавлен.

Отвечай: сердце его печально, глаза его полны слез.

Отвечай: он плачет по вас.

Среди горных вершин летают вороны.

Потоки текут с гор.
Бедность наложила на меня свою печать.
Где отец мой и мать?

Дорога до Андижана вся засыпана песком,
Никто о ней не заботится.
Мы — оба бедные братья,
Нет никого беднее нас.

Лошадь моя убежала от меня,
Пропал и мой кнут.
Хотя это — моя родина,
Бедность постигла меня.

Вот пример комической песни:

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О МУЛЛЕ ТОХТЕ

Мулла Тохта, наш деревенский старшина,
Важничал на базаре, словно городской голова.
Он нанял осла,
Купил за копейку веревку,
А на грош потрохов.
Повесил их ослу на шею.
Осел забрыкался
И лягнул муллу в живот.
Мулла Тохта принес потроха домой.
Взял нож без ручки, стал резать,
Взял ложку без ручки, помешал,
Сказал: „Вот покушаем“ и сел.
Вдруг вломились шесть полицейских,
Съели потроха и ушли.

Записал я также несколько пословиц. Ничего общего с персидскими или турецкими пословицами у них не оказалось. Вот образчики некоторых из них:

У орла — крылья, у человека — конь.
Я приказал кошке, кошка — хвосту

(намек на медлительность восточных слуг, передающих друг другу поручения, вследствие чего дело задерживается выполнением).

Я спешу ехать, осел спешит лечь.

Что скажет богатый — правильно, бедный — глупо.

ГЛАВА XIV

ПОЕЗДКА НА ТЯНЬ-ШАНЬ (НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ)

Осенью 1923 года мы предприняли давно задуманную поездку в северо-западном направлении в Уч-турфан и Аксу. Ехали мы южными склонами Тянь-Шаня и обратно вернулись по обычной дороге, проходящей долиной реки Тарима и через Мараль-баши.

Выехали мы 2 сентября и до ночлега проехали около девяноста километров. Это был самый длинный суточный переезд за все время нашего пребывания в Китайском Туркестане. Дорога никаких особенностей не представляла.

Через двое суток мы достигли равнины Яй Дубе, расположенной на высоте 2100 метров над уровнем моря, длиной около 100 километров при 25—30 километрах ширины. Окруженная горами, равнина эта представляла собой как бы замкнутый внутренний бассейн. У юго-восточного края ее находилось небольшое соленое озерко, которое в период дождей разливается до больших размеров. Остальная часть равнины, там, где она не была совершенно голой, заросла тамарисками и редким тополевым лесом. Местами среди деревьев у ручьев пресной или соленой воды мелькали

кибитки киргизов. Летом пребывание здесь из-за комаров и оводов становится совершенно нестерпимым для людей и животных.

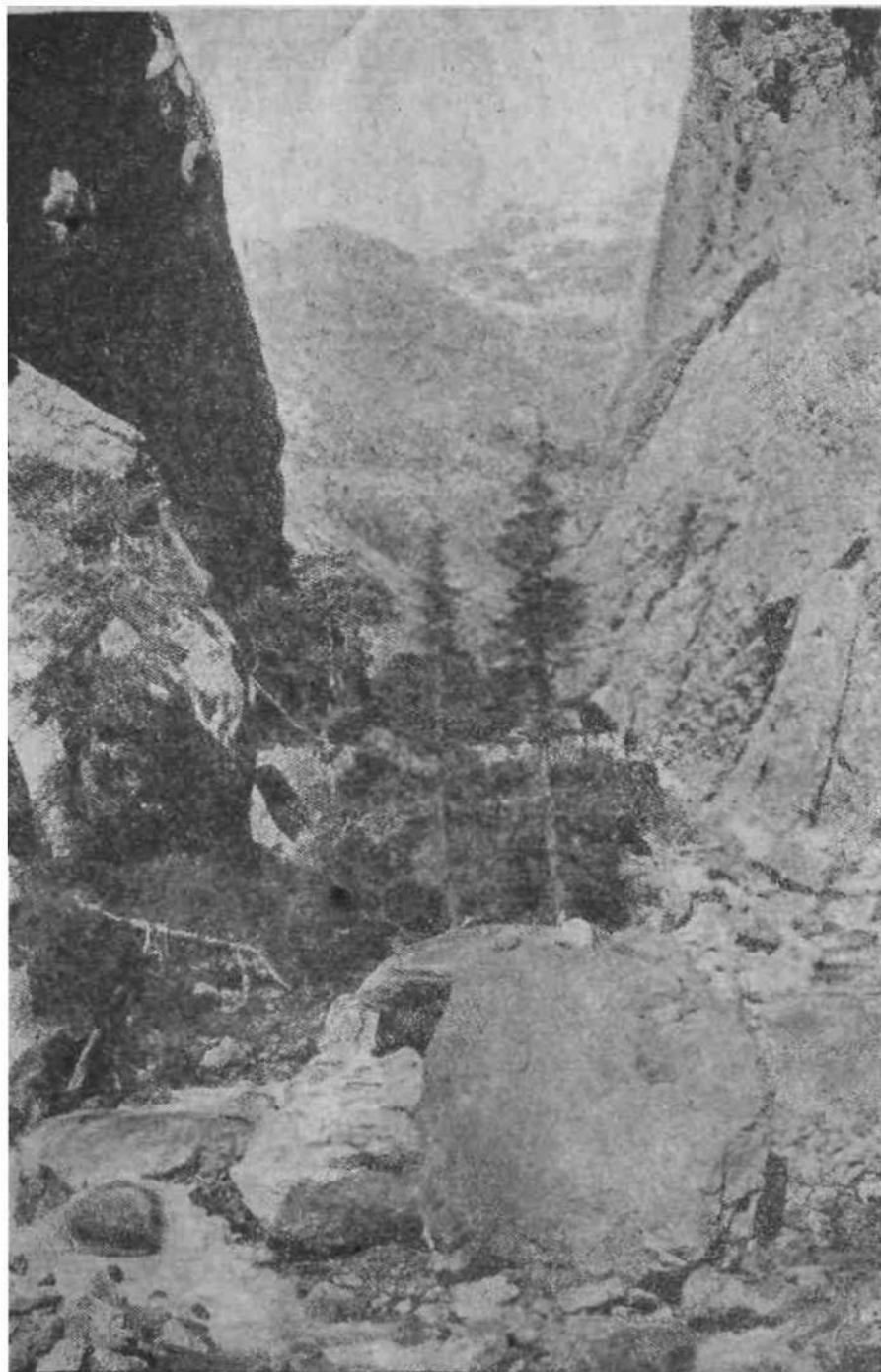
Когда мы попали затем в местность, почти лишенную всякой воды, и стали обращаться к киргизам с просьбой указать нам, где находится вода, чтобы напоить наших лошадей, они всячески уклонялись давать нам нужные сведения. Впрочем, они сами испытывали большую нужду в воде. Обычно они брали воду из мелких прудочков, в которых она накапливалась от дождей. Они располагались с своими стадами возле таких прудочков и по высыхании их перебирались к следующим.

Проехав два перевала, мы спустились в обширную долину реки Таушкан-Дарья („заяц“), берущей свое начало в Семиречье. В долине был расположен цветущий уч-турфанский оазис.

Уч-турфан, куда мы прибыли 11 сентября — маленький пограничный город, весь утонувший в платановых и тополевых рощах. На одном из высоких холмов за городом расположена старая китайская крепость с небольшим гарнизоном. Городок имеет некоторое стратегическое значение, так как он командует дорогой, ведущей из Семиречья через Тянь-Шань и проходящей через трудный перевал Бедель. Деревень возле города нет, и население живет маленькими хуторами. Почва вокруг города чрезвычайно плодородная: повсюду видны поля, сады, бахчи, табачные плантации. С холмов, окружающих город, открывается красивый вид на Тянь-Шаньский хребет.

На обеде у местного амбана, большого любителя цветов, устроенном в загородном местечке Токуз Булак („Девять источников“), известном благодаря своим садам по всему Китайскому Туркестану, я познакомился с престарелым начальником пехоты, который оказался прямым потомком древних правителей Кучи, получающим от китайского правительства поэтому пожизненную пенсию в двести таэлей в месяц. Своим интеллигентным видом, своими манерами воспитанного человека он представлял полную противоположность начальнику кавалерии, китайцу, которому мне пришлось отдать официальный визит. Во время визита он неожиданно спросил у меня, ем ли я свинину, и на мой утвердительный ответ заявил, что охотно пригласил бы меня на обед и угостил хорошей свининой, но так как тогда пришлось бы звать и местных офицеров, а они—мусульмане и свинины не едят, то поэтому он предпочел вовсе не устраивать обеда и никого не приглашать. Затем он добавил, что с удовольствием предоставил бы фураж для моих лошадей, но так как он слышал, что об этом позаботился уже амбань, то решил лишить себя удовольствия быть мне полезным.

Недостаток времени помешал мне проехать дальше в Чжунгарию и посетить долину Текес, одну из красивейших альпийских долин в Центральной Азии. Долина эта длиной 320 километров и шириной около 110. Она представляет настоящий рай для охотника. Кроме медведей и других хищных животных, в ней водятся олени, огромные горные бараны и козлы. Чтобы попасть в долину, необходимо было пройти через трудный

Долина Янги-Арт в горах Тянь-Шаня

Музартский перевал высотой 3 500 метров, что заняло бы неделю. Путь через него открыт только с июля по октябрь и весьма затруднителен.

Итак, отказавшись от этой поездки, я решил вместо того побывать в одной из долин Тянь-Шаня, Янги-Арт, к северу от города, впервые исследованной европейцами в 1903 году. Долина оказалась очень небольшой протяжением, но поражала глаз своей дикой красотой. По дну ее рос хвойный лес, а с боков виднелись снежные вершины гор высотой до 5 400 метров. К своему удивлению, у входа в эту глухую долину мы обнаружили китайский военный пост. Он был поставлен здесь для ловли контрабандистов.

В долине этой мы провели несколько дней, причем я пробовал, но неудачно, охотиться за горными баранами.

Спустившись к Уч-турфану, мы позаботились запастись добавочными лошадьми для дальнейшей части нашего пути. Мы собирались пересечь хребет Тянь-Шань в южной его части, а затем через Нижнюю Музартскую долину выйти к городу Бай. Всего нам предстояло пройти около 260 километров.

Перед отправлением в путь жена по обыкновению занялась лечением женщин и детей. Положение женщин здесь, повидимому, хуже, чем в Кашгаре. По крайней мере, они горько жаловались на свою печальную долю. Помимо лекарств для себя, они просили также и для своих больных родственников, слепых, хромым, туберкулезных и страдающих другими неизлечимыми болезнями. Обычно в виде платы за лечение

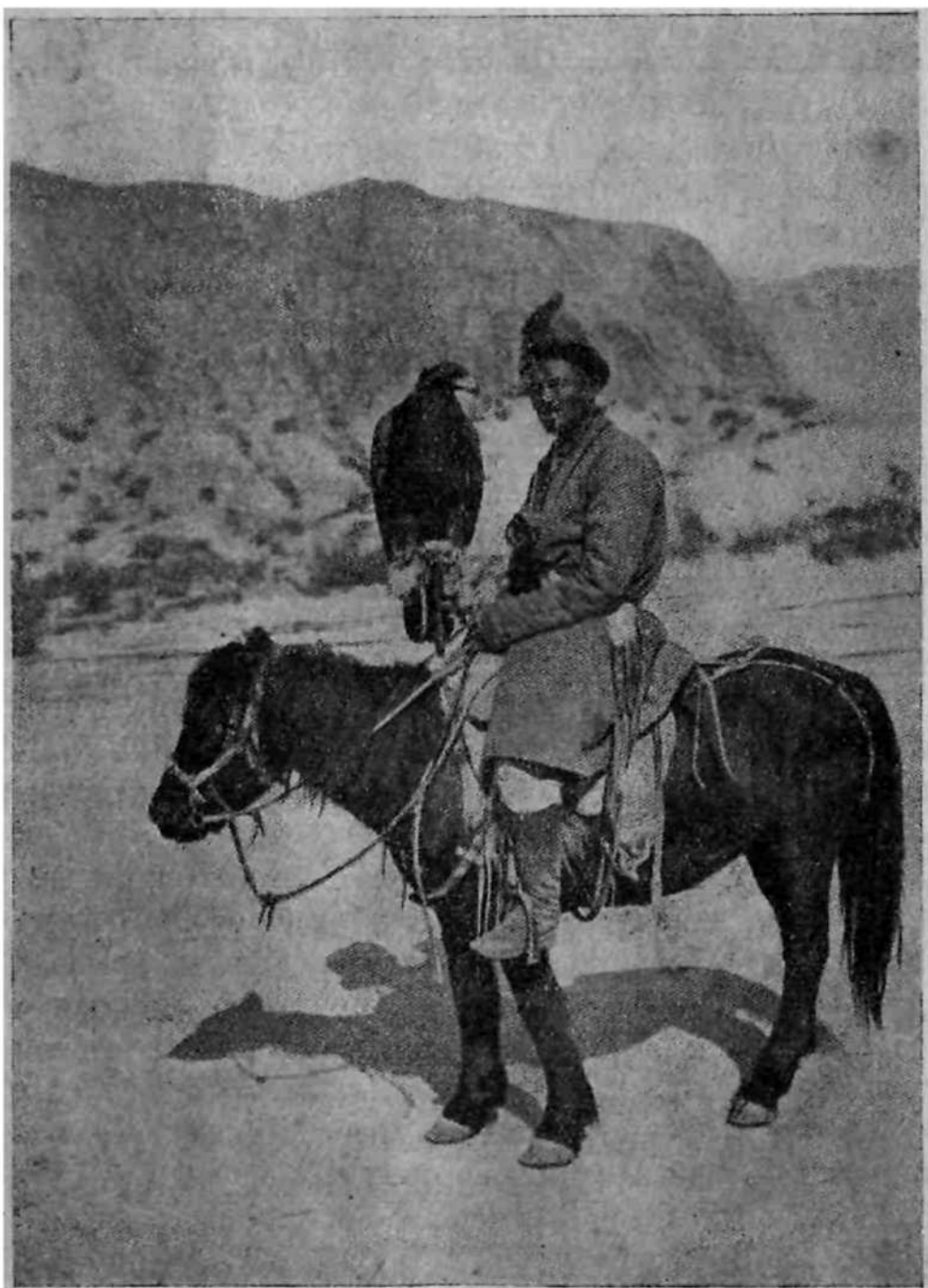
Центральный Тянь-Шань. Овчарня в Етим-Дебе

они приносили с собой фрукты, яйца, дыни, молоко, початки кукурузы и т. п., и стоило больших трудов уговорить их взять все это обратно.

28 сентября мы собрались в обратный путь. Ехали мы сначала правым берегом реки Кум-арык. Это была самая плодородная местность, какую мы только видели. К сожалению, благодаря пыльной мгле вид на горы был закрыт. В сорока километрах севернее Аксу мы сделали продолжительную остановку на несколько дней, чтобы дожидаться ясной погоды. Желание наше исполнилось, и через несколько дней ожидания перед нами предстал во всей своей красе снежный хребет Центрального Тянь-Шаня. По всей длине его на высоте 2400 метров тянулся пояс хвойных лесов, ниже шли альпийские луга.

Редкие поселенцы в этой горной местности оказались очень неприветливыми и даже за плату отказывались предоставить нам какие-нибудь припасы или дать проводников. К счастью, пастух торговца из Аксу, случайно попавшийся нам по дороге, согласился нас проводить до хутора своего хозяина, где мы и остановились на ночь. На другой день один из сыновей хозяина довел нас до подножия Музартского перевала. Дорогой мы любовались осенней раскраской листвы.

Поразило нас обилие попадавшейся дичи. В полутораста шагах от дороги я без особого труда подстрелил несколько птиц и зайцев. Всего я насчитал четырнадцать видов различных птиц на этом участке пути. Запомнилась мне еще из этой поездки оригинальная

Охотник-киргиз с ручным орлом

могила одного мусульманского святого в живописном уголке горной долины, отмеченная только шестами с флагами и черепами диких баранов.

Долиной реки Музарт мы через два дня доехали до маленького городка Бай на дороге Аксу — Куча, населенного тюрками и дунганями, которых в городе втрое больше тюрков. Дунгане поразили нас своими грубыми манерами. На базаре они обступили нас и обменивались вслух замечаниями на наш счет, громко смеясь.

Путь от города Бай до Старого Аксу через Абад занял пять дней, расстояние составляло около 170 километров. Так как главная часть дороги проходила по голой и пустынной местности, не представлявшей для нас никакого интереса, мы свернули в сторону к красным холмам Абада. Здесь на третий день пути нам попался один конный киргиз с прирученным черным орлом, сидевшим у него на правой руке, на которой была надета шерстяная рукавица. Рука поддерживалась на весу деревянной подпоркой, упиравшейся в луку седла. Я подъехал ближе, чтобы познакомиться с киргизом, и смерил орла, который от клюва до конца хвоста имел 90 сантиметров. Размах крыльев составлял 2 метра 13 сантиметров. Для приманки орла, когда он летал, киргиз держал вабило в виде большого мяча из шкуры антилопы, снятой с головы. Орел был взят им маленьким птенцом из гнезда и приручен. Ярый охотник, киргиз держал еще ручных соколов, которых употреблял для охоты за мелкой дичью, зайцами и птицами. Орел же служил ему для охоты на антилоп и даже на волков.

Киргиз объяснил мне также, что из охотничьих соколов особенно ценятся белые с Алтая, которых очень трудно достать, и цена их колеблется от пятидесяти до ста таэлей. Они привозятся из Чжунгарии

В Старом Аксу. Изготовление колес

на рынок в Аксу, куда индийские князьки из пограничной полосы посылают за ними, и случается, что посланцы возвращаются с пустыми руками.

Через три дня мы очутились на узких, грязных, хотя и живописных улицах базара Старого Аксу. К северу и востоку от города тянется стена отвесных утесов из лёсса, высотой в 12—15 метров, видимо, обозначающих старое русло реки Кум-арык. Дальше

к северу, насколько может охватить глаз, простирается бесплодная песчаная пустыня, по местному сай, представляющая собой ровную поверхность, усыпанную галькой, гравием и мелкими каменными обломками. Редкая травянистая растительность встречается только в балках и рывинах. Несколько лет тому назад один из честолюбивых амбаней задумал оросить часть этой пустыни, были прорыты каналы, истрачена большая сумма денег, но вода по каким-то причинам не потекла, и все сооружения были заброшены. Зато ниже города местность представляла полный контраст. Прорезанная многочисленными оросительными каналами из реки Кум-арык, она производит впечатление цветущей плодородной страны.

В мусульманских странах население избегает хоронить покойников в земле, которую можно возделывать. Жители Аксу использовали поэтому заречную высокую часть города в качестве кладбища. Это — настоящий город мертвых, с улицами, площадями, скверами, значительно превосходящий своими размерами город живых. С любой улицы города видны могильные сооружения, только с северо-запада их скрывают развалины старой глинобитной крепости и дворца эмира Якуба бека (Бедоулета), кокандского авантюриста, который в 1877 году был прогнан.

В Аксу проживает несколько иностранцев, большей частью торговцев. Один из них, индус из Шикарпура меняла по профессии, зазвал мою жену к себе в дом, когда она бродила по базару, чем привел в немалое смущение свою жену-туземку, находившуюся в домаш-

нем платье, которая поторопилась переодеться, загородившись мужем, как ширмой, от моей жены.

Жизнь в Аксу поразительно дешева. Плодородие почвы — исключительное. Поденная заработная плата

Кладбище в Старом Аксу

сельскохозяйственного рабочего не превышает 10 копеек. Цены на рынке на 25% ниже кашгарских. Джинг (10 килограммов) кукурузы стоит 16—20 копеек, пшеницы — 24 копейки, риса — 27 копеек. Фруктов и овощей — изобилие, и по цене они не выше, чем зерновые продукты. Лучших сортов винограда, чем здесь, я не пробовал нигде. Особенно мое внимание своим вкусом

и размерами привлекли два сорта: „дамские пальчики“ и „бескостный“. Гроздь первого весом в 750 граммов стоит 10 копеек, при чем отдельные ягоды, как я смерил, достигают длины пяти сантиметров. Один мелкий сельский хозяин, собравший на своей небольшой бахча до 20 000 штук дынь, намеревался их продать за 720 таэлей, то-есть в среднем по цене около 4 коп. за штуку, надеясь выручить от продажи их 360 таэлей чистого дохода при расходе 100 таэлей на аренду земли и орошения, 80 таэлей на семена, рабочие руки и т. д.

Новый город заселен преимущественно дунганами. Любопытную достопримечательность города составляет китайский храм „бога белого облака“, в котором старый жрец показал мне между прочим дощечки с письменами, начертанными богом. Храм этот мало посещается, разве только по неприсутственным дням китайскими чиновниками и военными.

Одновременно с нами из Аксу выступил в путь большой караван верблюдов в двести голов, везших сырую шерсть из города Кучи в Кашгар. Верблюды, как обычно, шли связанные по восьми одной веревкой, находившейся в руках погонщика, ехавшего впереди на осле. Из разговора с погонщиками я узнал, что верблюды были наняты в окрестностях города Бай за плату 8 таэлей каждый (10 р. 25 к.) из расчета за 50 дней пути. Погонщики рассчитывали пройти путь от Аксу до Кашгара в один месяц.

В 180 километрах от Аксу, пересекая совершенно плоскую равнину к северу от зарослей реки Тарима,

Караван в пустыне

мы увидели старую китайскую, так называемую „шелковую“ дорогу, проложенную во II столетии нашей эры по повелению китайского императора Ву-ти для перевозки китайских товаров на запад. Через каждые 25 километров по дороге устроены постоянные дворы для нужд проезжающих и при них небольшие базары, куда жители ближайших оазисов доставляют для продажи продукты своего хозяйства.

В качестве конвоя нас сопровождали два китайских солдата. Один из них, очень услужливый, повидимому, никогда не пользовался своим ружьем, затвор которого у него был крепко завязан платком, по крайней мере, он совершенно по-детски радовался и хлопал в ладоши всякий раз, как я давал выстрел. На лошадь он мог влезть только с высокой подставки. Товарищ его был курильщик опиума и курил до одурения, так, что падал с лошади.

В Чадар-Куле мы очутились среди долонов, о которых я упоминал, говоря о Меркете. Опять нас обступила толпа веселых зевак мужчин с красивыми, но невероятно грязными детишками. За околицей деревни мы заметили две больших партии игроков в кости, почти исключительно мужчин. Женщины делали необходимые закупки на базаре или занимались какой-нибудь своей работой.

В зарослях реки Тарима, которые тут начинаются, водятся в большом числе красивые фазаны желтого цвета с пурпуровыми крапинками, пруды и болотца изобилуют всякой водяной птицей.

В 65 километрах к востоку от Мараль-баши мы свернули с главной дороги и проехали около 30 кило-

метров к югу. Остановились мы в одинокой пастушеской хижине в тополевой роще на южном берегу Тарима, где провели четыре дня. Всевозможной пернатой дичи и тут было вволю. Местность для отдыха мы выбрали чрезвычайно удачно. В ясную осеннюю погоду это был красивый уголок. Вблизи змеилась, сверкая своими извивами, река. К югу как-то неожиданно выростала прямо из равнины гряда холмов. На расстоянии $1\frac{1}{2}$ —2 километров находились два озера, из них одно—в 16 километров длиной. В зеркальных водах его отражались разом и ближайшие горы, и песчаные дюны страшной пустыни Такла-Макан, так как мы находились как-раз на краю великой пустыни. За этими дюнами известный путешественник Свен Гедин потерял всех своих верблюдов и всех спутников, кроме одного, умерших от жажды, и едва не погиб сам.

Пастухов было три брата. От своего хозяина в качестве платы за пастбу и стрижку овец они получали шерсть с каждой десятой овцы. Из этой шерсти они сучили веревки и изготовляли грубые мешочные ткани, продаваемые в Мараль-баши на базаре. Помимо того, они занимались охотой на лисиц, ловлей рыбы и разводили дыни.

7 ноября, переправившись через реку Тарим, мы прибыли в Мараль-баши и расположились в саду британского аксакала, куда каждое утро прилетали кормиться фазаны, вальдшнепы и другие птицы из прибрежных зарослей реки Тарима. Когда мы были в гостях у амбана, он показал нам несколько экземпля-

ров местных крупных оленей, которых он держал для своего развлечения. Это были так называемые болотные олени.

До Кашгара нам оставалось 230 километров. Пять дней, которые занял этот переезд, нам сопутствовала неизменно хорошая погода. Близ деревни Ордеклик случай помог мне принять участие в охоте на диких кабанов, водившихся в густой тамарисковой чаще. Мне удалось убить одного крупного кабана. Кабанов в этой местности водится очень много, и они причиняют большой вред полям.

Чистота воздуха в середине ноября („индийское лето“) в Центральной Азии — поразительная. На половине дороги к Кашгару мы отчетливо видели снега Кунгурского хребта на расстоянии около 200 километров с юго-западной стороны горизонта. Хотя мы прибыли в Кашгар 16 ноября, было еще довольно тепло, вода в озерах и болотах не замерзла, и только две недели спустя наступили холода.

ГЛАВА XV

У СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЫ ТИБЕТА

Весной 1924 года служебные дела потребовали моего личного присутствия в Яркенде, а затем пришлось проехать далее по описанной уже дороге через Каргалык, Гуму, Хотан до Керии. Из Кашгара мы выехали 1 марта, и 12 апреля прибыли в Керию. На обратном пути участок от Керии до Хотана и от Хотана до Каргалыка мы решили проехать новой дорогой.

В своем путевом дневнике я отметил некоторые эпизоды из этой поездки, которые тут и излагаю.

7 марта к югу от Янги-Гиссара мы нагнали большой караван верблюдов с грузом ташкентского сахара и бакинского керосина, направлявшийся из Кашгара в Хотан. Меня поразили музыкальный перезвон их колокольчиков, подвешенных к шеям животных. Колокольчики были разных размеров, медные и железные. Некоторые были двойные, вставленные один в другой. У железных попадались язычки, сделанные из верблюжьей кости.

В Яркенде бывший даоинь дал в нашу честь парадный обед, во время которого труппа китайских артистов сыграла несколько пьес по выбору зрителей. Женские роли исполнялись мужчинами, которые, подражая женщинам, старались говорить пискливее. В пьесах старого классического репертуара действующими лицами выступали императоры, придворные, военачальники, которые появлялись в великолепных шелковых костюмах с фантастическими головными уборами, напоминавшими целое сооружение в виде пагоды и с масками на лицах. Несмотря на неудобные костюмы, актеры поражали быстротой и ловкостью своих движений в сценах битв и танцев. Актеры играли почти без перерыва. Обед с пяти часов вечера затянулся до полночи, когда мы ушли, а актеры все еще продолжали играть.

30 марта мы встретились в дороге с двумя „окитаившимися“, если можно так выразиться, туземцами. Они были мусульмане, родом из Хотана, но для карьеры, чтобы занять скорее более выгодные админи-

стративные посты, они переняли китайские манеры, речь и костюм. Один из них, впрочем, посещал с детства китайскую школу и в возрасте двадцати пяти лет амбанем своего уезда был избран из числа двадцати семи кандидатов в провинциальный совет в Урумчи (думалык). Думалык—совещательное учреждение, созываемое генерал-губернатором провинции, члены которого теоретически являются представителями населения своего уезда, в действительности же назначаются амбанами. Они заседают в течение трех лет. За время моей службы в Китайском Туркестане мне неоднократно приходилось слышать о таких „окитаившихся“ тюрках, усвоивших китайскую культуру, по крайней мере, с внешней стороны и занимавших различные административные должности.

1 апреля мы были застигнуты песчаным бураном, кончившимся для нас однако благополучно. Во время таких буранов иногда целые караваны сбиваются с дороги, попадая в пустыню Такла-Макан, где вода находится на глубине 60 метров от поверхности земли, и гибнут. Уже столетия поэтому дорога отмечена огромными плетенками с землей, которые устанавливаются стойком на более опасных участках на расстоянии 120 метров одна от другой. Плетенки эти сохраняются очень долго, даже когда бывают перевернуты. Каменные дорожные знаки неминуемо были бы засыпаны песком. Кроме этих корзин, вдоль дороги, как вообще на всех главных дорогах, расставлены на расстоянии 10 китайских ли (3 600 метров) башенки из необожженного кирпича—сырца, играющие роль путевых знаков.

В Хотане мы застали мусульманский праздник рамазан, когда днем население должно поститься. Пищу разрешается принимать только с двенадцати часов ночи. В половине третьего ночи верующие предупреждаются продолжительным барабанным боем, что пора готовиться к вторичному принятию пищи. К грохоту барабана с улицы примешивается непрерывное пение дервишей. В четыре часа утра население начинает пробуждаться и принимать готовую пищу или молиться. В результате от непрерывного шума нет никакой возможности непривычному человеку заснуть ночью.

В Лоб мы встретили некоего Гонга бека, молодого человека лет двадцати двух, праправнука Нияза Хакима бека, последнего из туземных правителей Хотана, который был одновременно с кашгарским и яркендским беками низложен упоминавшимся уже кокандским авантюристом Якубом беком в 1864 году, когда тот поднял восстание против китайцев. Гонг бек получает пенсию в 400 таэлей в месяц (около 525 руб.) от китайского правительства, взамен чего должен по требованию оказывать вооруженную помощь китайцам. Недавно ему действительно был дан приказ выступить в Аксу с отрядом в 500 человек. Молодой Гонг бек растерялся и мог собрать не более 12 добровольцев, пожелавших выступить с ним. Зато он сумел собрать сумму в 5000 таэлей, которую роздал кому следует в Урумчи, чтобы откупиться от выполнения стеснительного для него приказа.

В Богаз-Лянжере произошел курьезный случай со мной. Я имел неосторожность заинтересоваться при

посещении амбана находившимся у него большим пеликаном, который был пойман в окрестностях города и преподнесен амбаню в качестве подарка. Амбань предложил мне птицу в подарок, и как я ни уклонялся, вынужден был все-таки взять. Пришлось заказать местному столяру большую клетку, в которую пеликан с трудом был посажен, и клетка водворена на телегу. Оказалось, что пеликан не принимал никакой пищи, и его приходилось кормить силой, при чем трое здоровых мужчин едва могли справиться с птицей, когда ей собирались засунуть в рот корм. Все это заставило меня поспешить отделаться от пеликана. Я приказал его отвезти тайком подальше от города и выпустить на волю, чтобы никто не заметил и не донес амбаню, который мог бы обидеться. Так и было сделано.

Деревня Богаз-Лянгер, находящаяся в южной части оазиса Керии, лежит на высоте 1600 метров. Отсюда мы предприняли давно задуманную экскурсию в Золотые горы (Алтын-Таг), образующие крайнюю северную границу тибетского плато. Первой нашей целью являлась горная деревня Полу на расстоянии трех переходов к югу от Керии. Далее мы предполагали посетить оазисы у подножия Карангу-Тага или так называемых Мрачных гор, образующих самую дикую и самую недоступную часть центрального Куэн-Луня и возвышающихся до 7000 метров. Поездка принесла нам разочарование в том отношении, что пасмурная погода мешала нам видеть что-либо дальше тесных пределов дороги.

Ехали мы левым берегом реки Керии. Переночевали в палатках, разбитых на краю глубокого ущелья—каньона, по дну которого бежала невидимая река. Впечатление получалось такое, словно мы едем только среди песков и кустов. Приходилось удивляться обилию песка на столь значительной высоте, явно занесенного из пустыни Такла-Макан.

На третий день мы прибыли в деревню Полу на западном конце Алтын-Тага, или Золотых гор, являющихся отрогом Куэн-Луня, который тянется на 1 600 километров к северо-востоку до соприкосновения с Нань-Шанем. Значение этой деревни видно из того, что она занимает командующее положение по отношению к единственной дороге, ведущей через Куэн-Лунь на северо-тибетское плато и оттуда в Ладак и Индию. Северные подступы по ущельям к перевалу чрезвычайно узки и почти не допускают никакого вьючного движения. Но на расстоянии 850 километров от перевала Гинду-таш (5 300 метров) через хребет Санджу на западе и до прохода Кара-сай почти у Черчена на востоке не имеется никакой другой тропы, по которой можно было бы перейти через мощную преграду, образуемую Куэн-Лунем. Деревня Полу живописно расположена на высоте 2 350 метров между двумя рукавами главного притока реки Керии. Поля ее обсажены высокими тополями и платанами. Деревня состоит из соприкасающихся тесно один с другим домов смешанной каменно-деревянной постройки с плоскими крышами и с курьезными отверстиями по середине крыши и скорее напоминает бальтистанское или тибетское поселение.

В административном отношении Полу подчиняется чирскому амбаню, при чем надо заметить, что расстояние от деревни до Чиры в два раза далее, чем до Черчена. Жители Полу занимаются сельским хозяйством, сеют ячмень, просо и люцерну, но сухость воздуха здесь, на высоте 2350 метров, такова, что земледелие возможно только при искусственном орошении. Существуют две системы орошения: на отлогих склонах поля разбиваются террасами, на крутых—на глубине двенадцати сантиметров прокладываются канавки, через которые вода просачивается в почву, увлажняя ее. Главным промыслом населения является однако скотоводство. Горные луга дают превосходную сочную траву, вероятно, благодаря присутствию в почве плодородного лёсса, заносимого ветром даже на снежные горные поля, поверхность которых от этого приобретает грязноватый цвет. Жители из скота разводят лошадей, ослов, яков, верблюдов, овец и коз. Особенно выносливы, крепки и неприхотливы маленькие лошадки в Полу.

Большие возможности сулит золотой промысел, контролируемый китайцами. Добывается золото путем промывки золотоносной породы. Присутствие золота несомненно не только в районе Алтын-Тага, но и по всей куэнлуньской системе. Мне приходилось слышать о золотоискателях, которые забирались в почти неприступные ущелья Верхней Яркенд-Дарьи. Некоторые путешественники упоминают о золотоискателях, добывавших золото в долине Зайлик на высоте свыше 4000 метров. На наиболее известных разработках

в Соургаке и Чисгане в 95—135 километрах к северо-востоку от Керии занято до 2000 рабочих. Золото постоянно находят во все новых и новых местах между Чисганом и Дунь-Хуаном в провинции Ганьсу, в 1100 километрах к востоку. Иногда открытие новых богатых россыпей вызывает настоящую золотую горячку среди золотоискателей.

Все разработки между Полу и Черченом состоят под контролем и надзором китайского амбана в Керии, который сдает их в аренду, как представитель казны, местному беку за поставку ежегодно определенного количества золотого песка в казну, принимаемого по цене 25 таэлей за таэль (37 граммов) песка, что составляет около $\frac{5}{7}$ рыночной цены в Хотане. Наем и содержание рабочей силы ложится целиком на бека.

На приисках работают также многочисленные арестанты, осужденные за различные преступления. Местному населению самостоятельное добывание золота не разрешается, жители могут делать это только с разрешения бека, при чем обязаны сдавать по определенной расценке все золото ему.

Мне были продемонстрированы практикуемые приемы добычи золота. Три мальчугана забрались в яму на прибрежной отмели реки Полу и лотками стали извлекать оттуда небольшими количествами золотосодержащую породу голубоватого цвета, смешанную с гравием. Четвертый мальчуган промывал ее в конусовидном деревянном ящике с узкой щелью. На каждый лоток получалось до пяти маленьких крупинок золота. За четверть часа было намыто золота на одну теньгу

(8 копеек), исходя из расценки, установленной беком. В день таким образом, по словам мальчиков, можно намыть золота на $\frac{1}{10}$ — 10 таэлей (12 коп. — 12 руб. 80 коп.)

Жители Полу исключительно дружелюбно относятся к европейцам, что отмечено всеми путешественниками. Нам предлагали наперебой остановиться в целом ряде домов на выбор, но мы предпочли пребывание в своих палатках, которые разбили в укрытом месте под одним из утесов несколько выше деревни. Мы пробыли четыре дня в Полу в ожидании, пока прояснится погода, чтобы видеть окружающие горы, но надеждам нашим не суждено было осуществиться и 24 апреля мы собрались в обратный путь.

Проехав километров пять по тибетской дороге, мы свернули в сторону к западу и пересекли покрытое травой плато Чата-Кыр. При спуске в долину нас застигла сильная буря. Песок и пыль, смешанные с каплями дождя, почти ослепили нас. Так мы провели два неприятных часа, спускаясь по мокрым тропинкам. К вечеру мы добрались до оазиса Имамлэр.

Наутро погода совершенно прояснилась, и когда мы взглянули на юг, нас ожидало чудное и редкое зрелище. Перед нами на расстоянии 25—40 километров развернулась обширная панорама Куэн-Луны, одного из самых высоких и малодоступных горных хребтов на земле, за которым лежал Тибет. Пользуясь ясной погодой, я поспешил сделать несколько фотографических снимков с гор хребта. К полудню опять пыльная дымка скрыла от нас горы.

От Имамлэра мы в шесть дней добрались до Хотана, но уже горы не показывались нам больше, и нам оставалось только любоваться видом мирных живописных деревушек, попадавших по дороге.

От Хотана мы поехали по мало наезженной верхней дороге, ведущей через Дуву, Санджу и Кош-Таг до самого Каргалыка, при чем на целые сутки задержались в красивой долине Санджу.

9 мая, когда мы проехали Ой-туграк, мы имели возможность наблюдать самую длинную панораму снеговых гор, какую когда-либо видели в Китайском Туркестане. От восточного края хребта Санджу тянулись они огромной вытянутой дугой до крайних вершин Тахта-Куран к западу от Каргалыка, т. е. почти на 290 километров.

Остальную часть пути мы проехали быстрее. 14 мая мы были в Яркенде и восемь дней спустя прибыли в Кашгар, проехав всего 1 300 километров.

ГЛАВА XVI

ТРЕВОГА. НАША ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСКУРСИЯ

Вернувшись в конце мая в Кашгар, мы нашли город в состоянии сильного возбуждения и тревоги. Причиной были жестокости и злоупотребления командующего войсками генерала Ма по отношению к местному населению, перешедшие все границы. Не встречая отпора со стороны высших властей, генерал Ма обирал и грабил население Нового города и окрестностей, предавая непокорных пыткам и казням. Земледельцы

и мелкие торговцы под предлогом отъезда на богомолье в Мекку стали даже выселяться из Кашгара.

В изыскании способов обогащения генерал Ма проявил необыкновенную изобретательность. Он объявил, что право на эксплуатацию всех минеральных богатств является монополией военных властей, и под этим предлогом стал, ничтоже сумняся, извлекать из них в свою пользу доход. Он захватил каменноугольные копи, медные рудники, нефтяные источники, керосиновый завод, фабрику по выделке изделий из нефрита и другие предприятия. Любой капиталист мог бы ему позавидовать, потому что он имел не только монополию на сырые материалы, но в его распоряжении находилась также военная сила для обеспечения ему дешевых рабочих рук и облегчения сбыта его продуктов.

Как на пример его ухищрений в деле сбыта их можно привести следующий пример. Добывая в качестве побочного продукта на своем нефтеперегонном заводе парафин и не находя ему достаточного сбыта, он заставил в принудительном порядке местных торговцев приобретать по определенной цене этот парафин в желательных ему количествах, а ремесленников, которым требовался в их производстве воск, заставлял брать парафин в двойном размере. Когда ремесленники обратились через своего представителя с просьбой отменить это стеснительное для них распоряжение, генерал Ма приказал забить палками на смерть жалобщика и затем наложил на его вдову такой штраф, что она вынуждена была для уплаты его продать свой дом. Подчиненные генерала, следившие за выполнением его при-

казаний, не забывали набивать и свои карманы, так что мало-по-малу эта своеобразная система торговли, выросшая далеко за пределами города, превратилась в своего рода постоянный налог.

Генерал Ма обирал и другими способами казну. Получая деньги на содержание армии в 5 000 человек, он в действительности держал не более 500 солдат. Это были в большинстве жалкие курильщики опиума, почти совершенно не обученные, не получавшие никакой платы, ни обмундирования, ни продовольствия и кормившиеся за счет населения, подавленного страхом, внушаемым их начальником.

Наконец жалобы гражданских властей и населения заставили генерал-губернатора провинции принять решительные меры. Из Урумчи пришел приказ, якобы полученный из Пекина, в действительности же исходивший от генерал-губернатора, об отставке генерала и упразднении его должности. Генерал Ма однако не подумал уступать и принял свои меры. Прежде всего он поспешил набрать несколько сот рекрутов и заказал им обмундирование и обувь. Затем он приказал арестовать восемь из своих сборщиков под предлогом, что они действовали без его ведома. Четверо из них скрылись, а у четверых задержанных он приказал отрубить по суставам пальцы на руках и ногах и привязать несчастных у четырех ворот города, прибавив над ними их пальцы. Один из них вскоре умер, троим удалось после того спасти.

Чаша терпения высших властей переполнилась. Из Аксу был двинут значительный отряд войск на Кашгар,

который, двигаясь скорыми маршами, 1 июня подошел к Новому городу. Генерал Ма не ожидал скорого нападения. Он не принял необходимых мер предосторожности и, когда его солдаты еще спокойно спали в цитадели, а ворота на рассвете, как обычно, были открыты для пропуска в город поселян, вооруженный отряд проник в цитадель и захватил генерала, несмотря на отчаянное сопротивление с его стороны. Прочие солдаты генерала быстро разбежались. Убитых среди них оказалось не более четырех—пяти человек. Вся стычка продолжалась не более четверти часа. Победители принялись грабить дворец генерала, где было обнаружено много ценностей, шелков, изделий из нефрита и особенно опиума. Связанного генерала по телеграфному приказу из Урумчи на другой день расстреляли у городских ворот и оставили труп на несколько дней на месте, к удовлетворению граждан, собиравшихся в большом количестве посмотреть и поглумиться над трупом своего притеснителя.

Я осмотрел дворец убитого генерала, в котором он жил перед своей смертью. Это было большое четырехэтажное деревянное здание с крышей в виде пагоды наверху, выкрашенное в красный цвет и, украшенное причудливыми фресками и деревянными символическими фигурами птиц и животных. Внутри стены носили следы ружейных пуль. От нового дворца к старому ямыню генерала были проложены особые мостки, возвышавшиеся над улицами, базаром и крышами прилегающих зданий. Очевидно, генерал не хотел, чтобы его ноги касались земли, когда он проходил из одного

здания в другое. Старый дворец, как и новый, весь был перерыт и разграблен.

Население города к происшедшему отнеслось удивительно спокойно. Все продолжали заниматься своими делами, как-будто ничего не случилось, только цены на базаре были повышены на десять процентов да на память о покойном была сложена шутливая песенка.

— Время моего пребывания в Кашгаре подходило к концу. Из Англии уже выехал мой преемник, и я решил предпринять новую поездку в Кунгурские горы, чтобы закончить свои съемки для составления карты и сделать несколько новых фотографических снимков. Выезд я отложил до 22 июля, чтобы иметь больше уверенности в хорошей погоде в горах. Целью поездки на этот раз являлись долины, смежные с Кайинг-Джилга.

Лето в этом году в Кашгаре было чрезвычайно жаркое. В результате от чрезмерного таяния снегов в горах реки настолько поднялись, что я в 24 километрах от Кашгара при одной трудной переправе чуть не решил совсем отказаться от поездки. Однако все прошло благополучно, и 26-го мы уже находились на покрытой хвойным лесом горе Япчан. Оставив при себе самые необходимые вещи и отослав лишних животных, мы пустились в дальнейшее странствование по горам и через два дня очутились в долине Тигермен-су („Вода мельницы“), получившей свое название от старой мельницы на опушке леса у священного источника, где находилась и могила местного святого.

Население всей долины составляли три киргизских семьи, расположившиеся в кибитках в густом лесу. Без

помощи проводников-киргизов мы вряд ли бы сумели попасть в эту долину.

Дождливая пасмурная погода в течение нашего трехдневного пребывания в долине лишила нас возможности осмотреть и сфотографировать окрестные вершины, и пришлось поэтому ограничиться только ближайшим изучением самой долины, которую я уже занес схематически на карту. У подножия конечной морены, на которой был разбит лагерь, я обратил внимание на розовую окраску струившейся из-под корней большой ели воды. Пройдя выше около трех километров к подножию ледника, мы узнали причину окраски: по морене проходили прослойки красной глины, по которой протекал из ледника поток, скрывавшийся затем под землей.

В нескольких местах в долине я заметил на скалах следы зеленой окраски, явно указывавшей на присутствие меди. Киргизы, к которым я обратился с расспросами, подтвердили мне, что действительно в узком и малодоступном ущелье, расположенном выше, ими разрабатывалась весьма богатая медная жила, из которой они при помощи простых приемов добывали и плавил руду, изготовляя себе домашнюю посуду и гильзы для ружейных патронов. В последующие годы разработка этой жилы была оставлена, и киргизы предпочитали молчать о факте ее существования из боязни, что агенты генерала Ма прослышат про нее и донесут своему начальнику, а тот пошлет киргизов на принудительные работы на рудники, чтобы добывать для него медь. По этой же причине киргизы избегали указывать оптимальным путь в долину.

С горы Япчан мы направились опять вниз в излюбленную Кайинг-Джилга, где провели восемь дней, половину из них при ясной погоде. В один из солнечных дней я попробовал забраться на хребет, отделявший

Пики горной группы Шевакты

нашу долину от долины Тигермен-су, и здесь на высоте 4800 метров я получил наконец возможность снять один из ледников хребта Шевакты, спускавшийся с вершины высотой 5800 метров и находившийся от меня на расстоянии каких-нибудь четырех километров.

Два дня спустя я приступил к осуществлению другого своего плана—подняться до самого верхнего конца

Кайинг-Джилги, чтобы затем произвести разведку в долине Чимган-Джилга и находящейся за ней главной группы Шевакты. В проводники я взял себе двух опытных местных охотников за горными баранами и мальчика-подростка киргиза, захватил запас холодной пищи, спальный мешок, инструменты и отправился в путь.

Первые 1200 метров мы сделали на яках, а потом их оставили пастись на лугу, расположенном у основания морены ледника, спускавшейся с верхнего конца долины. Сами же направились к югу по узкому коридору, образованному с левой стороны скатом ледника, а с правой почти вертикальными утесами Шевакты, по которым мы карабкались в течение всего дня, прибегая в трудных местах к помощи веревки.

Когда мы достигли верхней точки подъема, я испытал некоторое разочарование, так как плохая видимость помешала мне сфотографировать расположенные к югу пики, и ограничился только съемкой, что позволило мне впоследствии нанести на карту положение находящихся к югу от Чимган-Джилги гор. Ни один глаз европейца не видел их прежде.

После того я попробовал спуститься к югу и с ледника Ак-Таш имел возможность сфотографировать группу пиков Шевакты, окружавших полукольцом ледник. Снимки получились очень удачные.

Снова в Кайинг-Джилгу мы спустились через перевал Кепек. Последние четыре дня пребывания в ней шел дождь, и производить дальнейшие экскурсии не представилось никакой возможности. Не удалось также

собрать никаких семян растений, так как созревание их вследствие холодной погоды задержалось. Все же пребывание в долине не прошло бесполезно, и мои любительские съемки позволили дополнить существующие карты осмотренного нами района.

ГЛАВА XVII

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

13 августа мы во главе своего каравана вернулись в Кашгар. До моего отъезда оставалось недели три. Мой преемник полковник Ляйэль находился уже в пути. Оставшееся время было посвящено хлопотливым сборам в дорогу и неизбежным прощальным визитам. Между прочим предстояло заготовить китайские визитные карточки для моего преемника, подобрав из китайских слогов подходящее созвучное имя, соответствующее высокому званию консула. Работу эту взял на себя наш китайский секретарь, который представил мне свой проект на одобрение. Выбранное им имя произносилось приблизительно как Лай И-лу, что, по словам секретаря, означало „непорочная обитель на горе Лай“ (известная священная гора в провинции Сычуань).

Однако, когда я показал выбранное нашим секретарем имя даоиню, человеку высокообразованному и хорошему знатоку китайской словесности, он не пришел в особое восхищение и предложил сам свои услуги по приисканию более подходящего имени. Оказалось, по его словам, что если произносить слог „Лай“ так, как его произносит большинство населения, то это имя

обозначало бы „человек твердохарактерный, не платящий своих долгов“.

Полковник Ляйэль прибыл точно в положенный срок, и десять дней спустя по его приезде (5 сентября) мы выехали в обратный путь в Индию. Провожали нас с обычными прощальными церемониями, порядком нас утомившими. Достаточно сказать, что даже по выезде из города нам пришлось восемь раз делать остановки и принимать от наших знакомых предлагаемый нам по китайскому обычаю „прощальный чай“. Последний раз это происходило уже в десяти километрах от города.

Сентябрь и октябрь—лучшее время для поездок по Китайскому Туркестану, и поэтому мы не торопились на обратном пути. От Янги-Гиссара до Таш-Кургана мы решили выбрать другой путь, не тот, каким ехали в Кашгар в 1922 году, именно: не сворачивая к югу от Янги-Гиссара в горы на дорогу, ведущую к четырем трудным перевалам, мы выбрали путь к юго-западу на Ташмалык, оттуда через ущелье реки Гез до Булун-Кула, а затем к югу через Памиры в Тагарму и Сарыкольскую долину. Курьеры консульства пользуются этой дорогой в течение всего года, а обычные путники только при низком уровне вод в горных реках. По длине эта дорога не короче первой, но имеет то преимущество, что на ней приходится брать подъем только на один легкий перевал высотой всего 4100 метров вместо четырех крутых высотой свыше 4800 метров. В наиболее жаркие месяцы однако (с 15 апреля по 15 октября) ущелье Гез из-за разлива реки местами

делается недоступным и приходится выбирать обходный путь через утомительные девять перевалов. Во избежание этого я наметил себе несколько измененный маршрут, который обещал мне возможность видеть новые, еще не нанесенные никем на карту горы и тем восполнить существующий в картах пробел.

Переправившись не без затруднений в брод через реку Гез близ Ташмалыка, мы проехали по длинной Ойтагской долине кверху и, отдохнув трое суток у ее верхнего конца, через перевал Арпа-Бель (высотой около 3900 метров) проникли в долину Гез.

Красота и величие горных пейзажей в Ойтагской долине превзошли даже то, что мы видели в кунгурских Альпах. К сожалению, пыльная дымка в воздухе помешала мне сделать фотографические снимки. Население долины у ее головного конца составляют горцы-тюрки, которые называют себя таглыками; русские прежде называли их сартами. Они всячески отговаривали нас от попытки пройти перевалом Арпа-Бель, подняться на который, по их словам, можно было бы только при помощи яков, каковых однако в их распоряжении не имелось. Очевидно, они боялись, как бы китайские власти, прослышав про этот путь, не стали бы им пользоваться летом, заставляя местное население поддерживать его в порядке, строить мосты и т. д.

У деревни Пилал долина круто сворачивала к югу. С правой стороны были видны мощный массив Чакрагия с огромным ледником, круто спускавшимся к самой долине, и ряд малых ледников. Бежавшие по ледникам потоки в некоторых местах низвергались красивыми

водопадами. Растительность долины была богаче, чем в Кунгурских горах. Кроме хвойных, я заметил много кустарниковых, в роде смородины. Некоторые деревья поражали своими огромными размерами. Я смирил ствол одного упавшего дерева и нашел, что он был длиной тридцать четыре метра.

На летних пастбищах таглыки, так же как их ближайшие соседи киргизы или сарыкольские таджики, живут в кибитках. Таглыки разводят всевозможные породы скота, включая яков, которых они, впрочем, держат только для продажи на мясо в Кашгаре. Жители долины обложены небольшим налогом с доходов, превышающих пятьсот чараков (пять тонн) ячменя.

Подъем на перевал Арпа-Бель, выполненный нами 13 сентября, оказался хотя трудным, но нисколько не опасным. У местных жителей мы наняли пятнадцать ослов в помощь нашим лошадям. С одной из них, очевидно, более слабой, случилось несчастье. Она с грузом скатилась с тропинки по склону и разбилась на-смерть. До этого случая мы за все наши поездки не потеряли ни одного вьючного животного.

Дорога по Гезскому ущелью, по которому мы затем продолжали свой путь, содержалась в полном порядке. Деревянные мосты через реку были также в полной исправности. Текущая с Памир между двумя массивами Кунгура и Чакрагиля река Гез, среди горных рек Кашгарии уступавшая по длине только Яркенд-Дарье, представляла с ее порогами редкое по красоте и незабываемое зрелище. Почти двадцать пять километров поднимались мы вверх по ее течению и к вечеру

достигли Хапа-Гумбаз. Погода прояснилась, и мы могли видеть все окружающие высоты.

На другой день мы вступили в Китайские Памиры, миновав Булункульское укрепление с его маленьким гарнизоном, состоявшим из оборванного офицера и трех солдат, женатых на киргизках.

В течение четырех последующих дней мы миновали озерный район Китайских Памир. Погода нам благоприятствовала. Обилие разнообразных птиц на озерах и болотах дало нам, помимо всего, возможность поохотиться. На пути нам попалась партия человек в двадцать тюрок в рваных овчинных полушубках, направлявшихся к северу. Оказалось, это были богомольцы, возвращавшиеся из Мекки, остатки партии человек в пятьдесят или больше, которая отправилась в апреле из Кашгара на богомолье к святым местам. Часть их погибла на высоких горных перевалах Гиндукуша, занесенных снегом, другие умерли от болезней, вызванных непривычным жарким климатом Аравии, где вдобавок ко всему они были задержаны на несколько недель дорожными разбойниками. Теперь по возвращении они уже не застали никакого снега на перевалах.

Памиры известны как местопребывание одного из трех самых крупных видов горных баранов, качкара; два других вида водятся на Тибете и на Тянь-Шане. В настоящее время однако крупные экземпляры попадаются редко на китайской стороне границы. Кроме того, киргизы беспощадно уничтожают их, охотясь за баранами из-за мяса. Пара рогов, которую мне пред-

ложили для продажи, была доставлена с советской стороны границы. Длина их была 140 сантиметров, окружность у основания — 38 сантиметров.

Всякую мысль об охоте на баранов я отложил в сторону, занятый своей работой по фотографированию горных вершин и нанесению их на план.

Ночи были очень холодные, выпадал снег, и поэтому мы стремились располагаться на ночлег в кибитках, где по середине горел огонь на очаге. В качестве топлива служил кустарник местного растения, саксаул.

По пути нам встретилось несколько знакомых с 1922 года таджиков, которые оказали нам дружеский прием. Жена по обыкновению снабдила женщин лекарствами из дорожной аптечки, до которых они не менее охочи, чем киргизы. Таджики отличаются живым и горячим характером по сравнению с более сдержанными киргизами.

Нам приходилось торопиться пройти Минтакский перевал из боязни быть отрезанными в случае, если он будет занесен снегом. Тяжело нагруженным лошадям подъем давался с трудом, и особенно скользкий головокружительный спуск по морене с южной стороны перевала. Несмотря на все это, спуск прошел благополучно, и мы снова могли в изобилии собрать топлива, чтобы согреться.

9 октября мы прибыли в Мисгар, откуда уже могли послать телеграмму. Тут у нас произошло маленькое несчастье с тремя лошадьми, увязшими в зыбучих песках реки Килик. Хотя их благополучно извлекли из

реки, но ящики с грузами, в том числе с моими бумагами, подмокли.

Вместо шести обычных переходов мы добрались от Мисгара до Гульмита в четыре дня. Путь на сей раз был много легче. Ехать приходилось больше под гору, и переход через ледники никаких трудностей не представлял. Самое же главное—мир Хунзы при финансовой поддержке кашмирского правительства поправил и расширил дорогу.

Путь от Гульмита до Бальтита по страшному ущелью Хунзы мы сделали в один день и в Бальтите опять были радушно приняты миром.

После трехдневной остановки в Бальтите мы переехали в столицу Нагара, Чалт, где были тоже торжественно встречены местным миром, устроившим в нашу честь большое спортивное состязание, состоявшее в игре в поло, в метании в цель копья и в стрельбе верхом из лука. Присмотревшись ближе к лицам туземцев, я нашел в них уцелевшие черты эллинского типа, хотя нос формой напоминал больше афганский. Нагар несомненно тяготеет более к Индии, тогда как Хунза скорее—к Китаю.

За время пребывания в гостях у мира мы совершили экскурсию в горы к большому Кепальскому леднику, который медленно, но неуклонно сползает вниз и уже похоронил одну деревню под собой.

Во время дальнейшей части пути я воспользовался двухдневной остановкой в Чалте, чтобы сделать экскурсию в сторону и сфотографировать остроконечную вершину Ракапуши, высотой почти в 7 500 метров.

В Гильгите, используя опыт 1922 года, мы наняли мулов сразу до Бандипура, вместо того чтобы нанимать их по дороге. Благодаря этому мы сократили свой путь с четырнадцати дней до одиннадцати. После таких перевалов, как Арпа-Бель и Бэрзиль, прочие перевалы на этом участке пути показались нам мало стоящими внимания. Ширина дороги, содержимой здесь в полном порядке, доходила до 180 сантиметров.

В Бандипур мы приехали 26 октября и очутились сразу в XX столетии. К нашим услугам оказался здесь грузовой автомобиль, на который мы переложили свое имущество, а затем уселись сами с четверьмя нашими людьми и через два часа очутились уже в Сринагаре, до которого было 55 километров.

Начались хлопотливые сборы к отъезду на родину вперемежку с необходимыми официальными визитами. Своих лошадей мы распродали или роздали. Наконец настал день отъезда из Сринагара. Мы сердечно простились с Гафизом, сопровождавшим нас во всех наших поездках, с поваром Мурад-Шахом и с проводниками Санги-ханом и Якубом, и автомобиль покатил по дороге в Индию, к дому.

Последняя связь с Кашгаром порвалась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Бороздин. — Предисловие	5
Б. Владимиров. — Введение	11
Глава I. К северо-восточной границе Индии	17
II. Через Каракарум	24
III. Через великий водораздел	28
IV. По горной дороге в Китай	33
V. Кашгар	42
VI. Цветущая Кашгария	57
VII. По дороге в Яркенду	68
VIII. Яркенд, Хотан и Керия	72
IX. Пустыня, реки и горы	80
X. Случай с убийством магометанина	87
XI. Население „Счастливой долины“	94
XII. Археология края, искусство, легенды, суеверия . .	103
XIII. Быт населения. Народная поэзия	115
XIV. Поездка на Тянь-Шань (небесные горы)	130
XV. У северной границе Тибета	146
XVI. Тревога. Наша последняя экскурсия	155
XVII. В обратный путь	163

